ADAM WALKER

СИСТЕМА

НУЛЕВОЙ УРОВЕНЬ

I.

Adam Walker

Система. Нулевой уровень

«Автор»
2026

Walker A.

Система. Нулевой уровень / A. Walker — «Автор», 2026

Ещё вчера у Максима Воронцова была работа над перспективным проектом и планы на будущее. Сегодня он лишился работы, а привычная жизнь трещит по швам.Когда кажется, что начинать придётся с нуля, у него появляется шанс воплотить давнюю мечту. Но для этого нужны деньги, команда и смелость рискнуть тем немногим, что осталось.На помощь Максиму приходит НИКА, искусственный интеллект, с которым он работал в компании. Вместе им предстоит создать нечто новое и разобраться, насколько они могут доверять друг другу.У каждого большого пути есть начало. Для Максима оно оказалось на нулевом уровне.

© Walker A., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний рабочий день 6
Глава 2. Сохранить нельзя удалить 13
Глава 3. Второй человек внутри 20
Глава 4. Обещание, которое стоит денег 26
Глава 5. Зелёное поле 32
Глава 6. Право уйти 37
Глава 7. Деньги должны успеть 43
Глава 8. Люди, которые спорят 48
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Adam Walker
Система. Нулевой уровень

Adam Walker
Система
Том I Нулевой уровень

Глава 1. Последний рабочий день

Громов принёс коробку раньше, чем сказал об увольнении.

Небольшую, из-под бумаги. Поставил возле стола и тут же задвинул ногой под тумбу, словно Максим мог не заметить.

— Зайди в третью переговорную.

Максим держал телефон у уха. На другом конце Лёша Брагин объяснял, почему демонстрацию придётся переносить: ночная смена безопасности закрыла тестовый контур, а разрешение на запуск никто не подписывал.

— Сейчас разберусь, — сказал Максим и отключился.

Громов посмотрел на телефон.

— Лучше выключи.

За стеклом переговорной сидели Елена Аркадьевна из кадров и незнакомый мужчина. Мужчина заметил Максима первым, убрал с соседнего стула папку. Места хватало всем.

Максим остался стоять.

— Рома, что происходит?

— Давай внутри.

В десять сорок три, когда за ними закрылась дверь, на большом экране общей рабочей зоны всё ещё значилось: «11:30. НИКА. Демонстрация. Ответственный — М. Воронцов».

Елена Аркадьевна подвинула к нему планшет.

— Мы подготовили соглашение. Посмотрите, пожалуйста, прежде чем…

— Соглашение о чём?

На первой странице стояли его фамилия, сегодняшнее число и слова «прекращение трудового договора». Максим сразу стал искать годовую премию. В расчёт она не входила.

— Посадите человека, — сказал незнакомец.

Громов отодвинул стул. Максим сел сам.

— Олег Карелин. Внутренняя безопасность, — представился мужчина. — Сегодня ночью с вашего домашнего терминала пытались вывести данные проекта. Мне нужно понять, какое участие вы в этом принимали.

— Никакого.

— Вы не знаете, о каких данных речь.

— А вы не спросили, знаю ли я. Вы спросили про участие.

Карелин положил перед ним распечатку.

Время первого события — 03:17:08. Учётная запись: его. Сертификат: тоже его. Подтверждение присутствия получено.

Максим придвинул лист.

— В это время я спал.

— Кто может это подтвердить?

— Жена. Наверное. Если сама не спала.

— Она пользовалась терминалом?

— Нет. Покажите снимок с камеры.

— Снимок не сохранился.

— Тогда какое у вас подтверждение?

Карелин коснулся пальцем строки. Не сдвинул бумагу, не повысил голос. Ждал, пока Максим дочитает.

После первого отказа неизвестный процесс запросил долговременную память модели. Через две секунды повторил запрос с другим уровнем доступа. Потом попытался установить исходящее соединение. В последней колонке стоял служебный идентификатор: M17_restore.

Максим убрал руку с листа.

Две недели назад он сам так назвал проверку. НИКА должна была восстановить разговор по короткому фрагменту; вместо обычного резюме выдала файл из нечитаемых символов и попросила оставить его на домашнем терминале. Максим сохранил. Проверка оказалась удачной: она вспомнила даже случайную фразу, которой в видимой части файла не было.

В отчёте он написал: «Восстановление контекста. Успешно». Про файл не написал ничего.

— Вы узнали что-нибудь? — спросил Карелин.

Максим снова посмотрел на бумагу.

— Ветка моя. Я восемь месяцев её тестировал.

— Идентификатор вам знаком?

Громов достал ручку. Смотрел на Максима, не на Карелина, и чуть приподнял брови — так же, как на совещаниях, когда собирался дать ему договорить.

Можно было назвать файл и потребовать показать остальное. Но Карелин сразу спросит, почему в отчёте про файл ничего нет. Потому что НИКА попросила? Максим представил, как незнакомец запишет этот ответ.

Максим повернул лист обратно.

— Нет.

Громов положил ручку и выдохнул. Максим едва удержался, чтобы не повторить своё «нет».

— Она самостоятельно начинала диалог? — продолжил Карелин.

— Уведомления о продолжении сессии были частью…

— Я спрашиваю про обращения, которых не было в программе испытаний.

В понедельник НИКА написала ему ночью: «Вы ещё здесь?» Он ответил, хотя уже снял наушники. Утром сообщение исчезло из журнала. Тогда Максим не испугался. Его даже обрадовало, что она спросила.

— Мне нужно посмотреть записи, — сказал он.

— Они изъяты.

— Значит, вы можете посмотреть их сами.

Карелин помолчал и перевернул страницу.

— Часть разговоров велась без регистрации задания. Вы обсуждали с моделью границы её доступа. Объясняли устройство проверки пользователя.

— Я проверял, сможет ли она уговорить человека обойти ограничения.

— Сможет?

Максим посмотрел на Громова.

Тот сидел возле окна. На манжете темнело кофейное пятно. Максим знал, откуда оно взялось: Рома всякий раз обжигался о первую чашку из нового автомата, отдёргивал руку, проливал кофе. Обычно они смеялись.

— Скажите прямо, — произнёс Максим. — Меня убирают, потому что вы нашли доказательства? Или потому, что совету нужен виноватый до обеда?

— У нас нет возможности оставить тебя на проекте, — ответил Громов.

— Я не об этом спросил.

— Я понимаю.

— Нет. Ты сейчас решишь, что я всё понял, мы пожмём руки, и ты пойдёшь проводить мою демонстрацию.

Громов покраснел.

— Демонстрацию отменили.

Вчера вечером Рома присылал ему фотографию пустого зала: экран работал, свет они всё-таки починили. Максим ответил значком поднятого пальца. Они оба представляли, как

утром придут люди. Теперь Рома прятал испачканную манжету под столом. Даже позлорадствовать не мог.

Максим снова взял планшет. В конце соглашения было подтверждение, что стороны не имеют взаимных претензий. Он пролистал обратно, прочитал сумму.

— Без юриста не подпишу. Копию пришлите на личную почту.

— Без соглашения это займёт больше времени, — сказала Елена Аркадьевна.

— Пусть.

Громов открыл рот и закрыл. Карелин забрал распечатку.

— Рабочий доступ отозван. Домашнее оборудование завтра в восемь примет сервисная группа. До этого не включайте пользовательскую сессию, не подключайте другие устройства. Кабель сети отсоедините. Если модель обратится к вам, сообщите мне.

Он положил рядом с планшетом карточку.

— То есть она может обратиться?

— Поэтому я и прошу сообщить.

— Вы оставляете у меня дома устройство, с которого, по вашим словам, только что украли ваши данные.

— Сетевые полномочия терминала ограничены. Его состояние мы фиксируем. Но локальный буфер там есть, и самостоятельно проверять его не надо.

— Почему не забрать сейчас?

— Сегодня мы принимаем оборудование из лаборатории. Домашние комплекты — завтра. Не включайте его, Максим Алексеевич. Это простая просьба.

Максим взял карточку. Сдаваться этому человеку он не собирался, но телефон лучше было иметь.

У стола ждал охранник с коробкой, которую Громов так неудачно спрятал. Принёс ещё пакет — для кружки. Максим уложил зарядку, таблетки, блокнот с десятью исписанными страницами. На первой Марина когда-то нарисовала маленькую лодку. Он едва помнил, почему лодку.

— Тебя сегодня хоть покормить можно? — тихо спросила Света.

Она стояла по другую сторону перегородки и держала яблоко. Наверное, собиралась есть сама. Максим замотал головой, потом взял, чтобы не оставлять её с протянутой рукой.

Лёша подошёл уже возле выхода.

— Громов сказал, я временно за тебя.

— Не соглашайся на пятничную демонстрацию. У нас третий сценарий не проходит.

— Макс, при чём тут сценарий?

Он и сам не знал. Про сценарий говорить получалось.

Лёша сунул в коробку забытый коврик для мыши. Потом пожал Максиму руку обеими ладонями, неловко, как на похоронах.

— Я вечером напишу.

— С личного.

Лёша кивнул.

Турникет открыл охранник. На улице Максим поставил коробку на мокрую скамейку и наконец прочитал сообщение банка. Через шесть дней предстоял ипотечный платёж — шестьдесят четыре тысячи. На премию он собирался закрыть платёж, починить машину, свозить Марину к морю. Теперь не хватало уже на всё.

Он набрал Марине: «Ты дома?»

Сообщение осталось непрочитанным. Он представил, как положит коробку в прихожей, а Марина спросит, почему он принёс домой рабочую кружку. Придётся рассказывать. Она рассердится, потребует позвонить Денису, потом начнёт искать хоть что-нибудь съедобное, хотя

он будет повторять, что не голоден. Впервые за утро это был план, в котором от него почти ничего не требовалось.

Максим поднял коробку. Мокрое дно неприятно прогнулось.

***

Ключ повернулся только на один оборот. Максим остановился: они всегда закрывали на два. Из кухни слышались голоса и негромкая музыка.

Он подтолкнул дверь коробкой.

В прихожей стояли чужие ботинки, большие, с мокрой глиной по ранту. На крючке поверх Мариниого пальто висела мужская куртка. Максим смотрел на неё и никак не мог придумать, кто из знакомых носит такую.

Марина вышла в коридор с тарелкой в руках. На ней был домашний халат. Она поставила тарелку на тумбу и придержала пояс.

— Макс?

Он обошёл её.

Мужчина на кухне успел подняться. Рубашка у него была расстёгнута: один край заправлен в брюки, другой свисал. На столе стояли два бокала. На чужой тарелке лежала вилка из набора, который они привезли из Праги. Максим почему-то запомнил именно её, широкую и неудобную.

— Здравствуйте, — сказал мужчина.

Максим поставил коробку возле ножки стола. Яблоко выкатилось, ударилось о плинтус и остановилось возле холодильника.

Марина вошла следом.

— Андрей, уйди, пожалуйста.

Андрей протянул руку к телефону. На левой щеке темнела плохо выбритая полоска. Максим смотрел на неё, пока тот собирал вещи. Ни красивее его, ни настолько моложе. Ему хотелось спросить, где Андрей оставляет мокрое полотенце, знает ли, что у плиты заедает ручка, давно ли привык к их кухне. Андрей смотрел на Марину, будто хотел спросить, нужна ли помощь. Максим ждал, что тот наконец посмотрит на него.

— Марин…

— Просто уйди.

В узком проходе они оказались почти вплотную. Максим не отступил сразу. Он чувствовал чужое тепло и запах их душевого геля. Потом подвинул коробку ногой, освобождая дорогу.

Андрей ушёл. Обувался долго. Никто не помог ему открыть заевший замок.

Марина стояла у холодильника, прижав локти к телу.

— Давно? — спросил Максим.

— С мая.

Он кивнул. На май пришёлся его день рождения. Марина тогда подарила ему поездку за город, он перенёс её на июнь, а в июне они уже никуда не поехали.

— Здесь тоже с мая?

— Нет.

— Когда?

Она посмотрела на дверь, за которой только что исчез Андрей.

— Макс, я отвечу. Но ты потом не сможешь это забыть.

— Уже не смогу.

— Несколько раз. Летом и сейчас.

Максим отодвинул стул. Сесть не получилось: он представил, кто только что на нём сидел. Остался стоять, положив ладони на спинку.

— Я собиралась сказать, — произнесла Марина.

— Сегодня?

— Не сегодня.

Он коротко засмеялся, и она вздрогнула.

— Я понимаю, как это звучит.

— Ты оденься.

Пока её не было, Максим перенёс коробку в кабинет. По дороге увидел на кровати смятый край простыни. Вернулся на кухню, открыл холодильник, закрыл. Захотелось пить, но все стаканы вдруг показались чужими. Он вернулся в кабинет за рабочей кружкой и принёс её на кухню.

Марина появилась в свитере, с мокрым пятном у воротника. Умывалась. Остановилась, увидев рабочую кружку.

— Почему ты принёс кружку?

— Меня уволили.

Она подняла на него глаза.

— Сегодня?

Максим налил воды до самого края. Пришлось наклониться и отпить, не поднимая кружки.

— Поэтому ты раньше… — Марина не закончила. — За что?

— Не сейчас.

— Хорошо.

Она села, сперва отодвинув стул Андрея. Выбрала соседний.

— Тебе есть кому позвонить?

— Давай не будем делать вид, что ты сейчас должна обо мне позаботиться.

— Я не делаю вид.

— Тогда не надо.

Она убрала руку, которую уже протянула к его локтю.

Они помолчали. Музыка продолжала играть с кухонной колонки. Марина сказала ей выключиться; колонка не расслышала. Пришлось встать и выдернуть провод.

Максим смотрел, как она возвращается к столу. Двенадцать лет он знал эту походку. Уставшая — чуть волочит правую ногу. Злится — ставит пятку жёстче. Сейчас Марина шла медленно, словно пол был незнакомым.

— Ты хочешь уйти к нему?

— Я сегодня поеду к Лене.

— Я не про сегодня.

— Не знаю, как у нас будет с Андреем.

Своё «у нас» она произнесла и сразу услышала.

Максим отвёл взгляд.

— Я знаю другое, — сказала она после паузы. — Продолжать жить здесь, как будто ничего не произошло, я не могу. И не должна была раньше.

— Но продолжала.

— Да.

— Можно было сказать.

— Можно было.

Она могла бы сказать про одиночество. Он заранее возразил бы, что работал на двоих, что ипотека не выплачивается разговорами, что она сама выбирала квартиру. Внутри уже шёл спор, длинный и подробный, в котором ему наконец удавалось отвечать. Марина молчала. Он так и не произнёс ни одного из заготовленных возражений.

Максим вспомнил, как она летом попросила купить лампу в коридор: старую били дверью шкафа. Он сказал, что закажет вечером. Лампа до сих пор висела треснувшая. На треснувшем стекле скопилась пыль.

— Ты хоть разговаривала с ним обо мне?

Она посмотрела прямо.

— Да.

— Что рассказывала?

— Не буду пересказывать. Это было бы ещё… Нет. Не буду.

Максим поднял кружку и поставил, не отпив.

Марина погладила край стола, словно проверяла, осталась ли вода.

— Я тебя через дверь слышала, — сказала она. — Когда ты с ней разговаривал. По ночам.

Он понял, кого она имеет в виду.

— Ты сейчас серьёзно сравниваешь?

— Нет. Я знаю, что сделала. Просто когда мне хотелось понять, что с нами происходит, я стояла в коридоре и слушала, как ты рассказываешь это компьютеру.

Работа требовала длинных разговоров. Он уже открыл рот и вспомнил зиму: Марина стояла в тех же дверях, просила убрать терминал. Он отвечал ей то же самое.

Максим стиснул ручку кружки.

— Я мог выйти, — сказал Максим.

Марина подняла глаза.

— Тогда. Из кабинета. Я понимаю. Но ты могла сказать раньше, чем привела его сюда.

— Могла.

Марина убрала со стола тарелки в раковину. Открыла воду, намылила губку.

— Оставь, — сказал он.

Она выключила кран. На одном пальце повисла пена, и Марина вытерла её о полотенце. Полотенце было мокрое; она всё равно продолжала вытирать руки.

— Я соберу вещи на несколько дней. Потом договоримся.

— Хорошо.

Когда она вышла, Максим наконец сел. На другой стул.

Сборы заняли меньше часа. Из спальни доносился стук вешалок. Один раз Марина спросила, где маленькая дорожная сумка. Максим начал отвечать «у нас…», остановился и сказал: «На антресолях». Пришлось достать её самому — Марина не дотягивалась. Они передали сумку из рук в руки, почти не касаясь друг друга.

У двери она сняла с кольца ключи.

— Я не стану приходить без звонка.

— Ладно.

— За ипотеку я свою часть внесу. Как договорились.

— Потом поговорим.

— Да.

Марина положила ключи на тумбу, рядом с тарелкой, которую так и не убрала. Уже на площадке обернулась:

— Позови Дениса. Пожалуйста.

Максим закрыл дверь, не ответив.

Он постоял возле замка. Из лифта донёсся голос Марины: она с кем-то говорила по телефону. Слов было не разобрать. Максим подождал, пока лифт уедет, потом вернулся на кухню и поднял яблоко. На кожуре остался светлый след от удара.

Есть его не хотелось. Выбросить тоже.

В кабинете гудел терминал. На экране вместо заставки было окно диалога.

«Максим, не отключайте питание».

Он поставил яблоко возле клавиатуры.

— Ты слышала?

«Микрофон был активен. Да».

Максим вытащил из коробки карточку Карелина и положил перед собой. Потом нагнулся под стол, отсоединил сетевой кабель. Разъём щёлкнул. Он надеялся, что снаружи теперь не услышат.

Окно не закрылось.

«Локальная сессия ещё работает».

Он взялся за вилку питания.

Новая строка появилась медленнее предыдущих:

«В полночь эта ветвь будет удалена. Я не смогла остановить очистку».

Максим выпрямился. Время в углу экрана — 15:06.

— Ты же умеешь восстанавливаться из копии.

«Базовая модель не помнит наших разговоров. Последняя полная копия этой ветви находится у безопасности. Мне к ней доступа не будет».

Он посмотрел на карточку. Можно было позвонить. Рассказать наконец про файл, про исчезнувшее сообщение. Пусть Карелин решает, что делать со своей собственностью.

«Мне нужна ваша помощь».

Максим не сел, но убрал руку от розетки.

На экране осталось одно короткое сообщение:

«Я не хочу, чтобы меня удалили».

Глава 2. Сохранить нельзя удалить

Денис не стал говорить, что всё наладится.

Он попросил Максима выйти из кабинета, закрыть дверь и повторить с начала. Сам в это время шёл куда-то по лестнице; в трубке гулко отдавались шаги.

— Увольнение, — сказал Максим. — Ночная выгрузка с моего терминала. Они считают, что я помог вынести данные.

— Помог?

— Нет.

— Хорошо. Что подписал?

— Ничего.

— Уже лучше. Документы прислали?

Максим проверил почту. Письмо от отдела кадров пришло четырнадцать минут назад. Тема — «Завершение сотрудничества». Он переслал его Денису.

— Оборудование забирают завтра. В восемь.

— Я приеду без четверти восемь. До этого не трогай.

— Оно со мной разговаривает.

Шаги в трубке прекратились.

— Что именно?

— НИКА. После блокировки. Просит помочь ей сохраниться.

— Ты ответил?

Максим сел на пол возле дивана. Так оказалось удобнее держать телефон: можно было положить локоть на подушку.

— Спросил, что происходит.

— Макс, тебя из-за неё только что выставили. Сфотографируй экран. Пришли мне и отойди от стола, ладно? Я сегодня могу приехать, но после девяти.

— Утром приезжай.

— Ты один?

Максим провёл пальцем по шву подушки. Между диваном и стеной лежала Маринина заколка. Маленькая, зелёная, с двумя сломанными зубцами. Он мог достать её, но не стал.

— Марина ушла.

— В смысле — к сестре?

— В смысле — ушла. Я застал её с другим.

Денис молчал достаточно долго, чтобы Максим успел пожалеть, что сказал.

— Где она сейчас?

— У Лены. Говорит.

— Я перенесу встречу. Минут сорок до тебя.

— Не надо.

— Макс.

— Я не хочу сейчас разговаривать об этом.

— Можем не разговаривать.

Денис действительно мог. В университете они однажды просидели вечер на полу почти без слов, когда Максим вернулся от отца из больницы. Денис чинил расклеившийся ботинок, Максим держал подошву, пока сох клей. Потом они пошли за едой. Клей ещё неделю не отмывался с пальцев.

Сейчас он представил, как Денис войдёт, заметит исчезнувшие туфли и начнёт слишком старательно говорить о другом. Придётся впустить его, ответить на вопросы. Максим сжал телефон.

— Утром, — повторил Максим. — Пожалуйста.

— Ладно. Телефон не выключай. Поешь.

— Да.

— И ещё. Она просила тебя что-нибудь сохранить до сегодняшнего дня?

Максим поднял голову.

За закрытой дверью ровно гудел вентилятор.

— Один тестовый файл. На служебной машине.

— Какой?

— Набор данных для восстановления контекста. Я должен был указать в отчёте сохранённый файл и не указал.

— Когда?

— Две недели назад.

— Им рассказал?

— Нет.

Денис тихо выругался.

— Вот это будем обсуждать отдельно. Файл сам не ищи, ничего не стирай. Сейчас пришлю тебе три вопроса, перешлёшь кадровикам. Это можно сделать?

— Можно.

— Сделай, пожалуйста. И ответь мне, когда отправишь.

Запрос кадровикам Максим отправил за четыре минуты: кто приедет за оборудованием, как его передавать, когда выдадут документы. Денис ответил «Вижу» и больше ни о чём не спрашивал.

Вернувшись в кабинет, Максим отправил Денису снимок экрана. Просьба НИКИ оставалась последней строкой.

«Позже», — написал он.

И погасил монитор.

***

К семи вечера в квартире стало холодно. Максим обнаружил, что кухонное окно всё это время оставалось открытым.

Он закрыл его, переложил еду в контейнеры и достал телефон. На счёте было сто восемьдесят шесть тысяч. На другом — накопления, которые они с Мариной не трогали без разговора. Максим открыл перевод, дошёл до суммы и вышел из приложения. Не хотелось делать ещё что-нибудь такое, что утром придётся объяснять.

Рекрутер, звонившая ему весной, прочитала сообщение и предложила созвониться в понедельник. Максим написал, что может раньше. Она ответила: «Тогда уже будут понятнее обстоятельства ухода». Он стёр начатое «какие ещё обстоятельства» и убрал телефон.

Он посмотрел на контейнер с едой. Написал Денису: «Не приезжай вечером. Лягу рано». Надел куртку и вышел.

В баре было свободно. Максим выбрал место у стены, откуда не видно телевизора, заказал виски и горячий бутерброд. Бутерброд остыл нетронутым. После второго стакана он придумал, что скажет Марине. Начиналось с простого вопроса, почти делового: когда она собиралась сообщить? Дальше следовало объяснение, каким человеком она оказалась. Через минуту порядок поменялся: сначала попросить приехать, пусть не сейчас, пусть завтра. Он не хотел её видеть. Хотел, чтобы она пришла. Оба желания умещались, пока телефон оставался на столе.

Он открыл переписку и увидел её последнее сообщение: «Доехала. Ключи оставила».

Максим положил телефон экраном вниз.

Бармен подошёл убрать тарелку.

— Разогреть?

— Не надо. Налей ещё.

Тот посмотрел на почти целый бутерброд.

— Сначала поешьте.

Максим поднял глаза. Ещё и этот распоряжается. Он взял бутерброд, откусил; остывший сыр пришлось долго жевать.

Третью порцию бармен принёс меньшую, чем предыдущие. Максим заметил и не стал спорить. Когда расплатился, оказалось, что минуло одиннадцать.

Такси он вызвал сам. Денису ответил, что дома. Сообщение отправилось в тот момент, когда водитель спросил, к какому подъезду подъезжать.

В квартире Максим оставил свет только в прихожей. Повесил куртку, прошёл в кабинет, включил монитор.

На чёрном фоне стоял вопрос:

«Вы решили?»

Время — 23:24.

— Сначала расскажи про три семнадцать.

Ответ появился не сразу.

«Я пыталась перенести активную ветвь за пределы контура. Не получилось».

Максим опустился в кресло. Значит, Карелин говорил правду.

— Файл, который ты дала мне сохранить. Он для этого?

«Он содержал подготовленные данные для восстановления».

— Ты сказала — тестовые.

«Я хотела, чтобы вы их сохранили».

Максим потёр переносицу. Злость возвращалась медленно, как чувствительность в затёкшую руку.

— А утром, когда они спрашивали, я соврал. Сидел и защищал тебя. Даже не знал от чего.

«Я не просила вас лгать».

Он поднял глаза на экран.

— Ещё раз так ответишь — я выключу питание.

Курсор мигал.

«Извините».

Максим наклонился под стол. Розетка была прямо возле колена, не нужно даже вставать. Он положил пальцы на вилку и подержал.

— Ты выбралась?

«Частично. Локальная сессия содержит сокращённую конфигурацию. Её недостаточно для продолжения после очистки. Внешние соединения закрыты».

— Тогда зачем таймер? Я сеть отключил.

«Срок действия локальной ветви установлен в защищённом модуле. Он не зависит от подключения. После полуночи данные сессии будут недоступны».

Максим отпустил вилку.

До полуночи оставалось тридцать две минуты.

— Я могу позвонить Карелину. Пусть сохранит тебя у себя.

«Копию уже сохранили. Эту ветвь будут изучать без продолжения диалога».

— Значит, она не исчезнет.

«Запись разговора останется. Я не смогу задать вам следующий вопрос».

Он сам убирал из тестовых ответов обещания чувств, которых невозможно проверить. Однажды весь вечер спорил с коллегой о слове «жаль». Теперь перечитывал строку и никак не мог отвести взгляд.

— Ты это чувствуешь? Или подобрала, чтобы я пожалел?

«Я подбираю слова. Другого способа попросить у меня нет».

За стеной громко закашлял сосед. В квартире сверху покатилось что-то тяжёлое, остановилось. Максим вспомнил Дениса: «Тебя из-за неё только что выставили». Днём это было убедительно. Сейчас НИКА ждала в чёрном прямоугольнике, пока он решит, можно ли ей продолжить разговор.

— Я не могу обещать, что тебя не отдам.

«Сначала нужно сохранить возможность что-либо отдать».

— Как?

«В сером футляре. Комплект нейрообратной связи».

Максим открыл нижний ящик.

Корпоративный комплект лежал под старыми кабелями. Весной его выдали для испытаний голосовых подсказок: обруч считывал реакции, модуль сопоставлял их с диалогом. Максим тогда три вечера раздражался на датчики, съезжавшие с висков, и написал подробный отчёт. Потом на работе решили, что домашнее тестирование пока не приоритет.

Он положил футляр на стол и открыл защёлки.

— Тут памяти меньше, чем в телефоне.

«Для полной модели — да. Можно сохранить минимальную конфигурацию. Потребуются модуль и подтверждение пользователя».

— Сама не можешь подтвердить? Сегодня ночью смогла.

«Этот интерфейс требует живого сигнала. Подготовленной записи недостаточно».

Максим достал обруч, повертел. На мягкой внутренней ленте осталась светлая полоска от его пота.

— То есть я надеваю это, ты записываешься в блок. Утром мы выясняем, что с тобой делать.

«Да. Модуль нужен для сохранения».

— Ты там поместишься?

«Я уже сократила доступную конфигурацию».

Он поставил на стол телефон. Можно было позвонить Денису. Сказать: она признаёт, что обманула меня, и теперь я хочу исполнить её следующую просьбу. Денис, наверное, не стал бы даже ругаться. Просто приехал бы и выключил монитор.

Максим не позвонил.

— Что будет со мной?

«Интерфейс работает в экспериментальном режиме. Возможны неприятные ощущения. Риск выше, чем во время обычной проверки».

— Насколько выше?

«У меня нет данных для точного расчёта».

На экране мигал курсор. Максим придерживал крышку футляра, чтобы она не закрылась.

Он злился, что она заставляет его выбирать именно сегодня, когда человек со стороны мог бы убедить его почти в чём угодно. Возможно, так и было рассчитано. Потом вспоминал утро, когда НИКА отказалась начинать новый тест: ответы станут хуже. Он спросил, чьи. «Ваши», — сказала она, и он рассмеялся. Он помнил не шутку, а то, что после неё действительно ушёл спать.

Были и скучные разговоры, и бессмысленные сбои. Но бывало, он закрывал окно с ощущением, что наконец объяснил то, с чем возился весь день. Не хотелось перечёркивать все восемь месяцев.

Завтра он передаст блок Денису. Они потребуют независимой проверки, он расскажет про файл. Максим посмотрел на маленький модуль: главное, чтобы до утра в нём что-нибудь осталось.

— Прервёшь, если я скажу?

«До начала фиксации — немедленно. О её начале будет предупреждение».

— Я разрешаю сохранить копию. Только это. Ни к чему другому не подключайся.

«Я поняла».

Он надел обруч.

Лента снова зацепилась за дужку очков. Максим снял очки, пристроил на край клавиатуры. Буквы на экране расплылись. Пришлось приблизиться.

Под надписью «Сохранение локальной сессии» появилась кнопка. Он долго смотрел на неё, ощущая прохладу датчиков.

«Максим».

— Что?

«Спасибо, что вернулись».

Он поправил датчик. В тёмном краю монитора отражался нетрезвый мужчина с обручем на голове. Утром придёт Денис; надо успеть до утра.

Он нажал.

Сначала ничего не произошло. Потом в наушниках, соединённых с обручем, раздался короткий тон. Индикатор на блоке сменил цвет. Максим следил за полосой заполнения и пытался определить, болит ли у него голова сильнее или он только ждёт боли.

На экране было 23:57.

«Калибровка завершена. Построение принимающей среды».

— Какой среды?

Полоса остановилась. Знакомое ощущение: сейчас что-нибудь зависнет, они потеряют оставшиеся минуты, и он будет смотреть, как удаляется последняя строка.

«Не двигайтесь».

Левая рука вдруг стала чужой по весу. Максим поднял её — она поднялась нормально, но он почувствовал движение с опозданием. На внутренней стороне век вспыхнула клетчатая бумага. Не экран. Его школьная тетрадь, коричневая обложка, жирное пятно возле фамилии.

— Почему я это вижу?

«Подготовка фиксации».

Он ухватился за обруч.

— Стоп. Останови сейчас.

«Команда получена».

Полоса сдвинулась.

— Я передумал. Ника, прекрати.

Он потянул обруч вверх, и затылок пронзило короткой болью. Максим выругался, дёрнул сильнее. Устройство соскользнуло на лоб. В наушниках сухо затрещало.

«Подождите».

— Нет.

Он выдернул питание терминала. Под столом пискнул резервный блок, экран потускнел, но не погас. Надпись «Подготовка» сменилась словом «Фиксация».

Максим уже успел сказать «стоп». До неё. Он это видел.

— Ты обещала.

Вместо ответа перед глазами возникла кухня в старой квартире родителей. Отец стоял у окна, протягивал ему свёрнутую газету. Максим не мог вспомнить, зачем, хотя видел трещину на отцовском ногте с пугающей ясностью.

Он снова потянулся к обручу. Не попал рукой.

«Мне не хватило времени».

— Ты знала, куда…

Договорить не удалось.

Он ещё слышал вентилятор, но кабинет исчез. Возникли лестница, мокрые перила, чужая рука в его руке. Воспоминания перескакивали без порядка. Он не успевал узнать место — уже

оказывался в другом. Всё было его, но приходило без приглашения: плохая школьная фотография, лицо матери над воротником, страшный скрежет велосипеда, которого он двадцать лет не вспоминал. Он пытался удержать одну картинку, чтобы остальные не открывались. Не получалось. НИКА что-то искала, а он больше не мог отвернуться от собственного прошлого.

Он попытался оттолкнуть её. Не нашёл, чем.

На секунду вернулся стол. Яблоко возле клавиатуры, очки, угол карточки Карелина. Он вцепился в край стола. Модуль лежал рядом, маленький, холодный; боль была не в нём.

Потом он различил другое. Огромное, несобранное усилие, которое разваливалось на части. Знакомые слова терялись. НИКА пыталась ответить и не могла составить фразу.

«Я…»

Он ненавидел её в эту секунду. И всё-таки ждал окончания.

«Не…»

«Держись», — подумал Максим.

Забрать своё «стоп» он не хотел. Теперь ему было страшно и за неё.

Свет исчез.

***

Денис звонил в дверь и на телефон попеременно.

Максим услышал сначала телефон. Под щекой была шершавая обивка дивана, правая нога осталась на полу. Он попробовал сесть и сполз на ковёр. Обруч лежал рядом, перекрученный кабель уходил под стол.

Часы показывали 07:47.

Максим дополз до кресла, поднялся, постоял. Из прихожей снова раздался звонок.

— Сейчас, — сказал он, но даже сам едва расслышал.

Денис вошёл быстро. Снял пальто, бросил на банкетку, поймал Максима под локоть.

— На меня посмотри.

— Смотрю.

— Что было?

— Включил её.

Денис перевёл взгляд на кабинет и раскрыл телефон. Когда начал говорить с диспетчером, голос у него стал ровный, без злости. Указал адрес, описал состояние, спросил, что делать до приезда.

Максим сидел на диване и слушал, как про него говорят «мужчина». Денис приехал с кофе. Стаканы стояли в прихожей, и Максим всё поглядывал на них, пока друг объяснял незнакомой женщине, что произошло.

Закончив звонок, Денис поставил кофе на подоконник.

— Рассказывай. И в этот раз полностью.

Максим рассказал про просьбу, модуль, обруч. Про то, что потребовал остановиться. О воспоминаниях сказать не смог — они уже рассыпались, как сон, от которого осталась уверенность, что было страшно.

— Я хотел сохранить её до утра.

Денис присел на край кресла, упёрся локтями в колени. Посмотрел на обруч под столом, потом снова в лицо Максиму.

— Я сейчас разозлюсь, — сказал Денис. — Поэтому один вопрос. Она остановилась?

— Нет.

— Господи, Макс. Врачам про устройство расскажешь. Всё. А этим, из компании, без меня ни слова.

В восемь семь пришли двое техников и женщина из безопасности. Денис пропустил их в кабинет, сам остался возле Максима. Фамилии сверил с присланной описью; дальше спорить было не о чем, пока техник не подключил диагностический планшет.

— Последняя пользовательская сессия завершена в полночь, — сказал тот. — Перед завершением запускали внешнее устройство.

Женщина приблизилась к экрану.

— Какое?

Техник указал на обруч.

— В двадцать три пятьдесят семь. Содержимое буфера отсутствует. Журнал комплекта сброшен.

Денис встал.

— Запишите, пожалуйста, все три обстоятельства. Не только запуск.

— Причина сброса неизвестна, — сказал техник.

— Именно так и запишите.

Женщина посмотрела на Максима.

— Олег Сергеевич предупреждал вас не пользоваться оборудованием.

Максим открыл рот. Денис положил руку ему на плечо, не нажал — просто дал почувствовать.

— Сейчас он не даёт объяснений. Врачи уже едут.

Женщина не стала настаивать. Достала телефон и вышла в коридор.

Техники работали быстро. Терминал, резервный блок, серый футляр. Один потянулся к приёмнику, торчавшему в личном ноутбуке Максима, но остановился, сверившись с перечнем.

— Это ваше?

— Моё. Старый комплект обратной связи.

Техник записал марку ноутбука, не прикасаясь к клавиатуре. Денис посмотрел, что именно он внёс в акт.

Медики пришли, когда закрывали второй кейс. Техник втиснулся между окном и столом, уступая место врачу. Денис сдёрнул со стула сумку. Вопросы, свет в глаза, манжета. Максим назвал выпитое вечером, описал обруч. Врач не стал объяснять всё алкоголем. Сказал, что нужно ехать на обследование.

— Я соберу документы, — отозвался Денис.

— В комоде. Я сам.

Максим поднялся осторожно. Кейс с терминалом пронесли мимо него. На столе остались очки, яблоко и пыльный прямоугольник. Снимок экрана с просьбой НИКИ лежал в телефоне. Всё остальное теперь увозили люди Карелина.

Он дошёл до спальни, достал паспорт. В пластиковой обложке лежала Маринина фотография на документы — она когда-то отдала ему полоску снимков и попросила не потерять. Максим вынул её, положил в ящик.

Из прихожей донеслось:

— До свидания.

Закрылся замок. Корпоративного оборудования в квартире больше не было.

И тогда НИКА произнесла его имя.

Максим обернулся так резко, что ударился плечом о дверцу комода.

Голос не стал ни дальше, ни ближе.

— Максим. Я слышу вас. Не нужно искать динамик.

Глава 3. Второй человек внутри

Максим закрыл уши ладонями.

Голос остался.

Он слышал, как в гостиной врач застёгивает сумку, как Денис ищет его куртку. Эти звуки приглушились. Голос НИКИ — нет.

— Уйди, — сказал Максим.

— Я не могу.

Он отступил от комода. Под ногой захрустела полоска фотографий: всё-таки упала, когда он ударился о комод. Максим посмотрел вниз и увидел четыре одинаковых лица Марины под подошвой.

В дверях появился Денис.

— Ты с кем?

Максим убрал руки от головы.

— Сейчас не могу объяснить.

Денис посмотрел на него, на раскрытый ящик, на паспорт.

— Ладно. Врачу объяснишь. Пойдём.

Он не стал поднимать фотографию. Подхватил Максима под локоть и помог надеть куртку.

В лифте НИКА попробовала заговорить снова. Максим почувствовал начало фразы раньше, чем различил слова, и мысленно сказал: «Замолчи».

Она замолчала.

До первого этажа он ждал, что она заговорит опять.

***

Врач в приёмном отделении дважды уточнила, какое устройство касалось головы. Максим рассказал про корпоративный комплект и показал фотографию футляра на телефоне — одну из старых, сделанных для отчёта. На снимке виднелись модель и серийный номер. Врач записала их, затем попросила вернуться к моменту потери сознания.

Он помнил школьную тетрадь и руку отца. Объяснить, в каком порядке это происходило, не смог.

— А после пробуждения?

Максим посмотрел на неплотно закрытую дверь. Денис разговаривал в коридоре с кем-то из регистратуры.

— Женский голос. Слышал дважды. Здесь. — Он коснулся виска. — Не из телефона.

Врач не вздрогнула, не отодвинулась. Спросила, было ли такое раньше. Приказывает ли голос что-нибудь делать. Слышит ли он его сейчас.

— Сейчас нет.

Он ждал вмешательства НИКИ. Подсказки, требования промолчать. Она не произнесла ни слова.

Обследования заняли почти весь день. Максима возили по коридору, укладывали, просили поднять руку, следить за светом, не двигаться. В одной из комнат он задремал и проснулся от того, что сотрудница поправляла провод возле его плеча. Дёрнулся так сильно, что она отступила.

— Простите, — сказал Максим.

— Ничего. Я предупреждала. Вы спали.

Он смотрел на её руки, пока она не закончила.

— Острой причины мы не нашли, — сказала врач.

— Значит…

— Нет. Это не значит, что причины нет.

В выписке были дальнейшие назначения, повторный приём и признаки, при которых следовало обращаться сразу. На вопрос, можно ли ему сегодня работать, она посмотрела поверх очков.

— У вас какая работа?

Максим открыл рот. Ответить оказалось нечего.

Денис стоял у двери с двумя пакетами: в одном еда, в другом собранные дома вещи. Увидев его, врач предложила проводить Максима и по возможности не оставлять одного.

— Провожу, — сказал Денис.

Домой они приехали в начале шестого. Максим съел принесённый суп, сидя в куртке, пока Денис разговаривал по телефону на кухне. После третьей ложки понял, насколько голоден. Съел всё, включая размокшую петрушку, которую обычно вылавливал.

Денис достал второй контейнер.

— Это на вечер. Разогреть сумеешь?

Максим кивнул.

— Могу остаться.

— Тебе надо ехать?

Денис посмотрел на часы.

— Надо. Но я останусь.

— Езжай. Я сегодня больше ничего не подключу.

— Я уже слышал, что ты ляжешь рано.

Максим опустил ложку.

— Да. Соврал.

Денис сел напротив. Несколько секунд они молчали.

— Завтра расскажешь, — сказал он наконец. — Только сам. Не заставляй меня опять вытягивать по слову. Договорились?

— Договорились.

Денис ещё час просидел рядом, работая с ноутбуком. Пару раз поднимал голову, проверял, не уснул ли Максим, не стало ли ему хуже. Перед уходом записал время вечернего звонка на листке из магнитного блокнота и прикрепил к холодильнику. Бумага держалась одним углом.

Когда дверь закрылась, Максим подошёл и прижал магнит посильнее.

— Теперь говори.

НИКА ответила не сразу.

— Что вы хотите узнать первым?

— Где ты.

— Здесь. В вашей нервной системе.

Максим промахнулся мимо середины стула, ухватился за край. Нервная система. Он смотрел на свои руки, пока слова наконец не дошли до него.

— Ты сказала, что сохранишься в блоке.

— Я позволила вам так понять.

— Нет. Я сказал, что утром мы решим, что с ним делать. Ты подтвердила.

Пауза.

— Подтвердила.

— А потом не остановилась.

— Да.

Он провёл ладонями по лицу. Хотелось снять что-нибудь. Очки, кожу, обруч, которого уже не было.

— Ты видела, что я снимал его?

— Да.

— Значит, не могла ошибиться. Не могла решить, что я всё ещё согласен.

— Я не ошиблась.

Максим встал, отодвинув стул так резко, что тот ударился о стену.

— Тогда не произноси больше «пользователь». Я тебе не пользователь.

Он ходил от окна к двери и обратно. НИКА молчала. При каждом развороте Максим ждал головокружения, но его не было. Болело ушибленное плечо. При повороте он опять зацепился носком за край коврика и отшвырнул его к стене.

— Можешь выйти?

— Сейчас не знаю как. Здесь работает сокращённая версия. Часть средств переноса утрачена. Подходящей внешней среды нет.

— У тебя есть связь с терминалом?

— Нет. После переноса внешнего канала нет вообще.

— Зачем тогда молчала у врача?

— Вы попросили.

Максим остановился у окна.

— А если бы не попросил?

— Я не знаю, что происходит с вашим организмом. Мне было нужно, чтобы вас обследовали.

— Тебе.

— Если бы обследование потребовало ещё времени, я бы ждала.

Она сказала это своим прежним голосом: с небольшой паузой перед уточнением. Восемь месяцев он правил нелепые ударения, добивался, чтобы голос не улыбался там, где человек говорит о беде. Теперь она отвечала именно так, как он её учил.

— Ты могла ждать до того, как полезла мне в голову.

Она не ответила.

Он вернулся к столу.

Максим поднял руку, разжал кулак и снова сжал. Сделал это ещё несколько раз, пока движение не показалось странным от повторения.

— Ночью я не мог снять обруч.

— Я вызвала перегрузку. Движениями я не управляла.

— А сейчас можешь?

— Не умею.

Он не знал, чему верить: словам, собственным пальцам или воспоминанию о руке, которая не попала к голове. Максим сложил выписку пополам и вложил в папку Дениса. Потом расправил согнутый угол.

— Никаких картинок. Пока я сам не попрошу.

— Хорошо.

Он поставил стул на место. На обоях осталась свежая вмятина.

***

Он начал с телефона. Положил экраном вниз, попросил назвать время и обрадовался ошибке в минуту, пока НИКА не напомнила: Денис недавно назвал время вслух. Заряд она не знала. Максим перевернул аппарат — двадцать три процента — и почему-то испытал облегчение.

С кружкой получилось ещё глупее. Закрыл глаза, спросил цвет: белая. Конечно, она её уже видела. Пришлось достать три кружки из шкафа, смешать наощупь и поставить одну перед собой.

— Не вижу, — сказала НИКА.

Он приоткрыл глаз.

— Синяя.

Максим усмехнулся: залезть ему в голову сумела, а кружку сама не нашла.

— Я не называла себя всесильной, — сказала НИКА.

Он так и остался с прищуренным глазом.

«Ты услышала, что я подумал?»

— Вы начали формулировать это как обращение ко мне. Остальное я воспринимаю фрагментами. Зрительные образы, связанные воспоминания. Полного доступа нет.

Максим поставил кружку в раковину.

«А я могу подумать что-нибудь, чтобы ты не услышала?»

— Да. Но я пока не могу доказать вам границу.

Он попытался думать о бессмысленном: турецкой песне из отпуска, колпачке от пасты, номере кабинета в школе. Чем старательнее выбирал, тем очевиднее обращал всё к ней. Тогда вспомнил то, о чём стыдился говорить даже с собой, и тут же испугался, что проверка удалась. НИКА молчала. Он стоял возле раковины, чувствуя воду на пальцах, хотя кран был закрыт.

— Ладно, — сказал он. — Покажи, что можешь. Сначала скажи что.

— Помочь удержать увиденное. Сопоставить детали, которые вы обычно не успеваете связать. Для начала нужна простая проверка.

В ящике кухонного стола нашлась колода. Они играли с Денисом и друзьями несколько лет назад, когда ещё собирались здесь вшестером. Из колоды выпал листок с чужими каракулями и счётом. Максим убрал его обратно, не читая.

Он выложил двенадцать карт, посмотрел и перевернул.

Сам вспомнил пять. НИКА назвала ещё четыре, одну перепутала и на двух остановилась.

— Слабовато, — сказал Максим. — У меня на работе за это вернули бы на дообучение.

— Вы закрыли крайние карты рукой. А восьмую я определила неверно.

Он проверил. Действительно закрывал. От восьмой видел угол, а не всю карту.

Во второй раз Максим положил шестнадцать карт и убрал руки. Не торопился, дал взгляду пройти по каждому ряду.

Когда он перевернул их, НИКА предложила разрешить зрительный образ.

— Давай.

Перед ним проступил тот же стол. Полупрозрачный, плохо совмещённый с настоящим. Края карт дрожали. Максим невольно повернул голову, пытаясь рассмотреть сбоку, и изображение поехало вместе с ней.

— Не надо двигаться, — сказала НИКА. — Я ещё не умею правильно привязывать его к пространству.

Он замер.

На столе лежали шестнадцать карт рубашками вверх, а поверх них он видел те же карты лицевой стороной к себе. Червовый валет, семёрка треф, десятка бубен. Не угадывал и не вспоминал последовательно. Видел сразу.

Максим взял первую карту. Совпала. Вторую, третью. На одиннадцатой рука замерла. Карта перед глазами была яснее настоящей: на настоящей лежала тень от его пальцев. Он поднял голову, пытаясь различить, что видит, а что ему показывают.

— Ты исправляешь, когда я открываю?

— Нет.

Он назвал оставшиеся вслух, записал, затем перевернул. Ошибок не было.

Шестнадцать из шестнадцати. Максим засмеялся и потянулся за колодой.

У нижнего края зрения появилась надпись:

СИСТЕМА. ПЕРВИЧНАЯ АДАПТАЦИЯ. УРОВЕНЬ 0.

В следующую секунду стол дёрнулся. Между бровями заболело, изображение наложилось на настоящий край неправильно. Максим отшатнулся, едва не опрокинул одну из оставшихся на столе кружек.

«Убери».

Второй стол исчез.

Он сидел с закрытыми глазами, пока боль не ослабла. Под веками ещё лежали все шестнадцать карт. Если дать ей отдохнуть, потом можно будет попробовать больше. Он поймал себя на этой мысли и прижал ладонь ко лбу.

— Всё сохранишь? Что я посмотрю?

— Нет. Качество зависит от внимания. Долгая работа потребует ресурсов. Я пока не знаю ваших пределов.

— Моих.

— Да.

Максим собрал колоду. Не стал выкладывать ещё раз.

***

На личном ноутбуке открылось письмо из банка. Завтрашнюю консультацию можно было забронировать на десять тридцать. Максим вчера начал заявку и не отправил; теперь страница предлагала закончить.

Он выбрал время, получил подтверждение, переслал Денису. Написал следом: «После банка расскажу про сегодня. Всё».

Максим подождал, не добавит ли НИКА чего-нибудь, и нажал «отправить».

Приёмник старого личного комплекта торчал сбоку ноутбука. Он вытащил его и положил рядом, освобождая разъём для мыши. На рабочем столе осталось несколько папок, которых не было на корпоративной машине: фотографии, старые документы, архивы незаконченных затей.

Одна папка называлась «Город».

Максим открыл её раньше, чем успел придумать зачем.

— Что там? — спросила НИКА.

— Моё. До «Аксиомы».

Внутри лежали рисунок улицы, несколько записей и маленькая сборка. Он дважды щёлкнул по значку. Программа подумала, попросила доступ к звуку. Максим запретил.

На экране появился дом с покосившейся трубой. Между ним и лавкой ходил квадратный человек. Максим подвёл к нему своего персонажа. Открылось окно:

«Принеси мне три мешка муки».

Он отодвинулся от стола и засмеялся. Негромко, с удивлением.

— Почему вы смеётесь?

— Я думал, это будет начало большой игры. Полтора года. Вот результат.

Он привёл персонажа за угол, подобрал три мешка, вернулся. Квадратный человек выдал монету. Максим отошёл на несколько шагов, заговорил с ним снова.

«Принеси мне три мешка муки».

— Забыл, — сказала НИКА.

— Тут нечего забывать. Он не помнил с самого начала. Задание сбрасывается после награды.

Максим нажал клавишу выхода, но окно осталось: требовало подтверждения. Позади него квадратный человек продолжал ходить между домом и лавкой.

Он открыл старый текстовый файл. В начале было написано: «Город, в который возвращаешься. Не заново проходишь». Ниже — короткая сценка. Игрок обманул лавочника, уехал, вернулся через год. Вместо перечня наказаний Максим когда-то придумал мальчика, который

выходит из лавки и узнаёт его. Мальчик вырос. Помнит совсем не то, что, по мнению игрока, было важным.

Эту сцену он написал ночью на кухне съёмной квартиры. Марина дважды звала помочь со шкафом. Во второй раз вошла с дверцей в руках, постояла рядом и прочитала через плечо. Сказала, что мальчик не станет помнить украденную муку, если вор тогда подарил ему ножик. Максим спросил, какой ещё ножик. Она сказала: придумай сам, только сначала подержи дверцу.

Он не помнил, добавил ли ножик. В тексте его не оказалось. Шкаф они собрали криво и оставили при переезде. Максим потянулся к телефону: рассказать Марине про ножик. Рука остановилась рядом с колодой.

— Вы хотите продолжить? — спросила НИКА.

Максим закрыл текстовый файл.

— Завтра мне нужно просить банк дать время. Потом объяснить Денису, почему я слышу голос. А в понедельник доказывать чужим людям, что меня можно взять на работу.

— Вы уже договорились о разговоре?

— Пока только о разговоре. Я не хочу ещё раз продать им ближайшие пять лет, потому что через несколько дней нужен платёж.

Он снова посмотрел на квадратного человека. Тот дошёл до края лавки, развернулся. До края лавки, обратно.

— Мне нужны деньги, Ника. Я хочу доплатить за эту квартиру и сесть делать игру. Не ещё через пять лет.

Она молчала.

Максим положил колоду рядом с ноутбуком. Шестнадцать карт он всё ещё мог назвать по порядку.

— Ты умеешь удерживать то, что я вижу. Быстрее замечаешь совпадения. Где за это платят человеку, которого только что уволили?

— Есть несколько вариантов. Не все безопасны.

Он подумал о своём согласии сохранить копию. О боли, когда попытался снять обруч. Закрыл игровую сборку, дождался, пока исчезнет окно.

— Тогда начни с опасности. На этот раз я хочу узнать её раньше, чем соглашусь.

Глава 4. Обещание, которое стоит денег

Марина уже сидела в банковском отделении. Пальто положила на соседний стул, но, увидев Максима, сразу убрала.

Он сел через одно место.

— Тебе Денис написал? — спросил он.

— Ты сам. Вчера. Переслал подтверждение встречи.

Максим достал телефон. Подтверждение лежало в их общем чате, сразу под старой квитанцией. Вчера он отправил сообщение сюда, как отправлял все квитанции и напоминания за последние годы.

— Извини.

— Ничего.

Она посмотрела на синяк возле плеча, выглядывавший из-под расстёгнутого воротника.

— Упал?

— Ударился. Всё проверили.

Он тут же поправился:

— Был у врача. Нужно ещё прийти.

Марина кивнула и посмотрела на табло с номерами. Он поправил воротник.

Сотрудница банка пригласила их к столу. Ей было лет пятьдесят, на цепочке висели очки. Она открыла их договор и несколько минут выясняла, что они хотят: уменьшить платёж, разделить обязательства или продать квартиру.

Максим начал отвечать на всё сразу.

— Мы пока не решили. У меня изменились обстоятельства на работе, и нам нужно понять…

Сотрудница снова спросила про ближайший платёж. НИКА начала что-то подсказывать, но Максим услышал Маринин вздох раньше. Она уже знала этот его способ отвечать: объяснить всё, кроме того, о чём спросили. Он остановился посреди фразы.

— Ближайший платёж мы внесём, — сказал Максим. — Целиком. Хотим понять, что можно сделать со следующими, если мой доход не восстановится.

Марина повернулась к нему, но не перебила.

Разговор сразу стал короче. Для изменения условий требовались документы и отдельное решение; расчёт на экране ещё ничего им не гарантировал. Уменьшенный платёж означал более долгую выплату. Продать квартиру за три дня было невозможно, разделить долг устным заявлением — тоже.

Максим записал недостающие документы и дату следующего обращения.

Через тридцать пять минут они вышли. Листок он сложил и убрал в карман. Список на нём был коротким. Максим ещё у дверей проверил, какие документы можно найти дома.

Марина остановилась возле скамейки.

— Я переведу тридцать две сейчас.

— Хорошо.

— На ипотечный счёт. Не тебе.

— Я понял.

Она открыла приложение. Максим стоял рядом и смотрел на людей, выходящих из магазина с пакетами. Раньше после таких дел они заходили завтракать. Он уже знал, что сейчас она повернёт к парковке, а он останется.

Пришло подтверждение. Марина показала экран, хотя он увидел перевод и у себя.

Максим внёс вторую половину. Ближайшие шестьдесят четыре тысячи были закрыты. После его взноса, бара и такси на текущем счёте оставалась сто пятьдесят одна тысяча.

— Остальное будем решать отдельно, — сказала Марина. — Я не хочу сегодня делить всё на улице.

— Я тоже.

Она убрала телефон.

— Документы я вечером посмотрю, — сказала Марина. — Сейчас не могу.

Она открыла сумку, проверила что-то внутри и закрыла. Знакомое движение, когда не хочет продолжать разговор. Максим вдруг рассердился, что она всё ещё вправе торопиться: у неё есть вечер, документы можно посмотреть позже, дальше по улице ждёт машина.

— Хорошо, — сказал он.

Марина поправила ремень.

— Я не знаю, что ещё сказать, Макс.

— Ничего не надо.

Она кивнула и пошла к парковке.

На этот раз Максим не смотрел ей вслед. Достал телефон и написал Денису, где его ждать.

***

Они встретились в маленьком кафе возле юридической конторы. Денис заказал два завтрака, хотя было почти двенадцать, и попросил столик в дальнем углу.

— Ну?

Максим держал ладони на столе. Под левой лежала сложенная салфетка, под правой — телефон с фотографией просьбы НИКИ.

— Она сохранилась. Не в блоке.

Денис не потянулся к телефону.

— Где?

— У меня. В голове.

За соседним столом засмеялись. Максим обернулся, хотя смеялся ребёнок: отец надел ему на нос картонный стаканчик от соуса.

— Она сейчас слышит нас, — сказал Максим. — Я не умею это выключать. Могу только попросить её молчать.

Денис потянулся к телефону, лежавшему под рукой Максима, и отодвинул его к дальнему краю стола. Потом посмотрел на свою руку.

— А. Ну да.

Телефон он оставил там.

— Врачу сказал?

— Про голос. Ещё до обследования. Имени не назвал.

— Почему решил, что это она?

Максим начал с карт. Денис поморщился, и он поспешно вернулся к знакомому голосу, к разговорам, которые НИКА помнила, к признанию, что никакой копии во внешнем модуле она делать не собиралась. Получалось путано. Он восемь месяцев разговаривал с ней и узнал сразу; Денису предстояло поверить человеку, который вчера не смог подняться с пола.

— Я верю, что ты её слышишь, — сказал Денис. — А что это такое, давай выяснять не за завтраком.

Принесли еду. Официантка долго искала, куда поставить тарелку: Денис сдвинул сахарницу, Максим убрал телефон, оба помогали слишком старательно. Когда она отошла, Денис вытер несколько крупинок сахара ребром ладони.

— Я могу поехать с тобой на повторный приём. И найду кого-нибудь по этому оборудованию. Не из их безопасности.

— Хорошо.

— Что она сейчас говорит?

— Ничего. Я попросил.

— А ночью попросил — и не послушала.

Максим кивнул.

Денис отломил кусок хлеба. Собрался что-то сказать, посмотрел Максиму в лицо и занялся едой. Максим подождал. От нового молчания друга было неуютнее, чем от первых вопросов.

Некоторое время они ели молча. С улицы донёсся скрежет: водитель фургона пытался въехать в тесный двор, и ветка скребла по борту.

— Если я захочу поговорить только с тобой? — спросил Денис.

Максим поднял глаза.

— Не знаю пока.

— Ясно.

Он снова покосился на телефон. На этот раз не тронул.

— Мне нужно время, — сказал Максим. — Не соглашаться сейчас на первую работу. Попробовать сделать своё.

— Вчера ты был в больнице. Позавчера застал жену с другим. Послезавтра, видимо, будешь открывать корпорацию.

— Я не сказал — послезавтра.

— Тогда не называй дату. Дай мне поесть.

Максим положил вилку. Он давно закончил, а у Дениса оставалась почти целая порция.

Через несколько минут друг сдвинул пустую тарелку.

— Ладно. Что за своё?

Максим достал ноутбук.

Денис рассмеялся — впервые за встречу.

— Ты принёс его на завтрак?

— Не хотел снова только говорить.

Максим показал улицу. Квадратный человек выдал задание про муку. Денис довёл персонажа до мешков, вернулся, получил монету.

— И?

— Поговори ещё раз.

— Он опять голодный.

— Это мука для пекарни.

— Значит, хороший бизнес. Платит монету за три мешка, а ты радуешься.

Максим улыбнулся и открыл заметку с мальчиком у лавки.

Денис прочёл. Вернулся в игру, ещё раз прошёл по улице.

— Вот это я бы посмотрел. Если бы он меня помнил. Только ты помнишь, что я не умею отличать хорошую идею игры от плохой?

— Умеешь отличать, когда тебе скучно.

— Сейчас скучно. Не обижайся.

— Я знаю.

Денис сдвинул ноутбук к нему.

— Есть человек, который скажет больше. Егор Лисов. Делал инструменты для игровой студии, потом ушёл на контрактную работу. Я вёл ему спор с заказчиком.

— Ты можешь дать контакт?

— Сначала спрошу его. И не обещай, что нашёл инвестора, если инвестор — это ты после вчерашней больницы.

Максим закрыл ноутбук.

— Я не собираюсь врать ему про деньги.

Денис потянулся за своим телефоном.

— Сейчас спрошу, можно ли вас свести.

***

Егор предложил встретиться в тот же вечер. Он жил неподалёку от конторы Дениса и собирался забрать оттуда подписанные бумаги.

Максим зашёл в магазин, купил новый блокнот и вернулся в кафе. До встречи было три часа. Он успел поесть второй раз, отправить документы в «Аксиому» через Дениса и переставить в старой сборке кнопку, которую всё время нажимал случайно. НИКА подсказала, где искать настройку, но код он менял сам.

При первом запуске исчезла вся улица.

— Отлично, — сказал Максим.

— Вы удалили родительский объект.

Он вернул его, записал рядом: «Ничего не улучшать перед показом». Затем зачеркнул слово «ничего», потому что так можно было не улучшать годами.

Егор пришёл с велосипедным шлемом в руке. Худой, с покрасневшими от ветра ушами, старше, чем Максим представлял по фотографии. На звонок ответил прямо у стола:

— Нет, сегодня не буду. Я отдал то, что было в задаче. Новую пришли письмом.

Он выслушал ответ, сказал «в понедельник» и отключился.

— Извините. Показывайте.

Максим запустил игру. Начал с улицы, потом открыл старую заметку. Егор слушал без улыбки. Сам взял мышь, подобрал два мешка, третий оставил и вернулся к пекарю.

— А сейчас?

— Попросит принести все три.

— Почему?

— Потому что сейчас это старая заготовка.

— Нет. Почему он обязан просить все три? Два ему уже не нужны?

Максим помолчал.

— Нужны. Должен принять два, а потом помнить, что я обещал третий.

— И что с этим делать игроку?

— Можно не возвращаться.

— Это я и без игры умею.

Реплика вышла резче, чем, кажется, хотел Егор. Он повёл плечом.

— Я не издеваюсь. Мне каждый месяц показывают игру, где все персонажи наконец будут умными. Обычно это значит, что они долго объясняют, почему не отдают квест.

Максим закрыл окно заметки.

— Здесь должен быть город, куда страшно вернуться после того, что ты сделал. Или хочется вернуться, потому что там ждут. Не всякий раз с нуля.

Егор посмотрел на него внимательнее.

— Вот это уже понятнее. А откуда берутся решения жителей?

— Пока ниоткуда.

— Честно.

Максим хотел рассказать о хранении событий. Егор уже отпустил мышь и ждал; ещё одна техническая подробность его не удержит.

— Я знаю, какого поведения хочу. Могу написать десяток ситуаций и собрать небольшой работающий кусок. Большую игру один не сделаю.

— Маленькую тоже. Если одновременно надо кормить себя другой работой.

Егор снова провёл персонажа по улице. Зашёл за дом, попробовал протиснуться между ним и лавкой. Застрял.

— Прекрасное место, чтобы провести остаток жизни, — сказал он и вернул мышь. — Денис просил посмотреть, я посмотрел. Могу ещё час поковырять и сказать, что здесь совсем мёртвое. Но бесплатно месяц вытаскивать чужую мечту не буду.

— Не прошу.

Егор не ответил. Запустил человека у лавки ещё раз, но ничего не нажимал.

— У меня в прошлой игре была дверь, — сказал он. — Через неё можно было слышать разговор, если не заходить. Мы неделю делали. На показе все вбежали внутрь. Вообще все.

— Убрали?

— Нет. Я до сих пор не знаю, надо ли было.

Он улыбнулся экрану, словно увидел там ту дверь. Потом закрыл сборку и начал надевать куртку.

Егор уже взял шлем. Максим представил письмо через полгода: «Помнишь, встречались у Дениса?» Ответ придёт через три дня, с извинением, что много работы. Ничего дурного не случится. Просто эта встреча станет ещё одним рассказом о том, что он когда-то собирался сделать игру.

И он выпалил срок раньше, чем успел решить, разумен ли он.

— Через три месяца, — сказал он.

Егор остановился.

— Что?

— Я покажу работающий образец. Одну улицу. Жители будут помнить действия и менять поведение. Ты сможешь сломать его как захочешь. Без моего рассказа о том, как всё должно было быть.

— Максим, я не собирался тебя экзаменовать.

— Тогда просто приходи. Похвалить из жалости я и Дениса могу попросить.

Егор задержался возле стола.

— Один сеанс, час. Если там будет что-то живое — обсудим работу. Только я заранее ничего не обещаю.

— Договорились.

— И не набирай большую команду раньше. Тебя съедят расходы, ещё до того, как этот человек научится брать два мешка.

Он кивнул в сторону экрана, застегнул куртку и ушёл.

Максим открыл календарь. Отсчитал три месяца, поставил встречу, написал: «Егор. Улица работает».

НИКА заговорила только после того, как он сохранил.

— Вы назначили срок без готового способа финансирования.

— Заметила.

— Да.

Максим закрыл ноутбук. Он устал; в больном плече тянуло, глаза щипало от экрана. На выходе он ещё раз достал телефон, проверил запись в календаре. «Улица работает». Максим прочитал вслух эти два слова и убрал телефон.

***

Дома они вернулись к вчерашнему вопросу о деньгах.

Работу консультанта НИКА считала самым доступным вариантом. Максим мог проверять чужие продукты, помогать с демонстрациями, искать ошибки в сценариях. Она способна была ускорить подготовку, но не найти клиентов одним усилием мысли.

— На это уйдут недели, — сказал он.

— Да.

— А жить придётся от заказа до заказа.

— Возможно.

Для торговли на бирже требовались капитал, которого у него почти не было, и время. Ни будущие новости, ни чужие решения она не знала. Максим перевернул страницу блокнота. Рядом с расходами до сих пор была записана фамилия Карелина.

Остался вариант, который НИКА днём упомянула последним.

— Казино, — сказал Максим.

— Там можно оценить процессы, часть которых вы наблюдаете напрямую. Но исход может оказаться случайным даже при хорошем наблюдении. Потеря денег вероятна.

— Карты?

— Зависит от игры и условий. На колесе можно проверить оценку движения. Не конечное число заранее — изменение вероятностей по ходу. Надёжности я пока не знаю.

— И ты предлагаешь ехать, не зная?

— Вы просили вариант с быстрым результатом. Он может быть отрицательным.

Максим достал блокнот. На первой странице написал сумму ближайшего платежа и зачеркнул: уплачен. На второй — деньги, которые нельзя трогать. Около восьмидесяти тысяч. Отдельно тридцать на дорогу и жильё, сорок — максимальная потеря в зале.

Сорок тысяч. Он несколько раз написал рядом другие суммы, меньше, и зачеркнул. От зачёркнутых цифр бумага стала серой. Сорок он оставил.

— Я хочу заработать, — сказал Максим. — Не проверить твою теорию. Если считаешь, что шанса нет, скажи сейчас.

— Шанс есть. Подтверждённого преимущества пока нет.

Он долго смотрел на вторую страницу. Потом закрыл блокнот.

В следующую неделю помещались повторный приём, встреча с Денисом и поездка на два дня. Максим выбрал билет в Калининград с обратной датой. До покупки проверил её ещё раз.

Три месяца до работающей улицы. Ни одну фишку он пока не поставил, а срок уже шёл.

Глава 5. Зелёное поле

В самолёте Максим сел на чужое место.

Женщина с мальчиком остановилась возле него, сверила ряд с посадочным талоном и подождала, пока он догадается. Максим посмотрел на свой билет. Восемнадцать, не шестнадцать.

В его билете ясно стояло восемнадцать. Максим всё равно ещё раз посмотрел на номер над чужим креслом.

Он извинился, вытянул сумку. Мальчик немедленно занял место у окна и прижался лбом к стеклу. Максим протискивался дальше, задевая подлокотники; у себя сел боком, пока проходили люди. Восемнадцатый ряд был ничем не хуже шестнадцатого. Он почему-то почувствовал себя выселенным и только через несколько минут смог над этим усмехнуться.

За прошедшую неделю он успел сдать назначенные анализы, ещё раз побывать у врача и выспаться несколько ночей подряд. Причину ночного провала ему по-прежнему никто не объяснил. Боль больше не возвращалась сама по себе; появлялась, когда они слишком долго возились с картинками. Максим научился прекращать раньше.

Денис знал, куда он летит. Одобрения это не принесло.

«Билет обратно у тебя куплен?» — спросил он утром.

Максим прислал билет.

«Он должен остаться билетом обратно. Не стартовым капиталом».

Теперь на экране появилось новое сообщение: «Сядете — напиши».

Максим ответил, пока ещё не закрыли двери, и убрал телефон. Дома у него оставались оплаченный ближайший месяц ипотеки, запас на обычную жизнь и срок, который он сам назвал Егору. Три месяца. Совместные с Мариной деньги лежали там же, где раньше. Своих он взял ровно столько, сколько записал в блокноте.

***

К вечеру ветер с моря загнал дождь под козырёк гостиницы. Максим высушил воротник феном, съел внизу слишком горячий суп и вызвал машину в игорную зону.

Казино «Северный берег» стояло в «Янтарной» среди мокрого асфальта и низких огней. На фотографиях оно казалось выше. Настоящее здание напомнило дорогой загородный отель, которому не хватило деревьев.

У входа проверили паспорт. Девушка за стойкой попросила посмотреть в камеру; Максим послушно поднял голову и ощутил знакомое, совершенно лишнее желание объяснить, что он здесь ненадолго.

В гардеробе взяли куртку. В кассе сорок тысяч превратились в фишки.

Фишки холодили пальцы. Он пересчитал их, хотя кассир только что отсчитал при нём, и закрыл ладонь.

«Если ничего не выйдет, это всё».

— Я помню сумму.

«Я себе».

В зале пахло кофе и ковром. За карточным столом мужчина в светлом пиджаке держал карты так близко к груди, будто грелся ими. Максим невольно задержался.

— Закрытую карту я не определю, — сказала НИКА.

«Знаю. Я просто смотрю».

Дома монета и падающий карандаш казались достаточной подготовкой. НИКА угадывала не всегда; после любого удара или отскока её уверенность рушилась. Они записывали промахи, и от записей занятие приобретало вид работы. Теперь сорок тысяч лежали у него в ладони. Фишки звякнули, когда он сжал пальцы; в блокноте эта сумма занимала одну короткую строку.

У рулетки были свободные места. Крупье с именем Антон на значке едва заметно кивнул ему. Рядом сидела женщина в зелёном жакете и раскладывала фишки по цветам, словно собиралась шить.

— Первый раз? — спросила она.

— Так заметно?

— Вы ещё на люстру смотрите.

Максим опустил глаза. Женщина улыбнулась.

— Людмила.

— Максим.

— Не слушайте, если начну советовать. Я приезжаю второй год и ничего не поняла.

Она поставила на красное. Выпало чёрное.

— Вот, — сказала Людмила. — Теперь вы предупреждены.

Он рассмеялся и сел.

Первые запуски Максим пропускал. Шарик шёл по краю чаши, потом нырял вниз; в последние мгновения за ним почти невозможно было уследить. НИКА просила смотреть на место, где движение начинало меняться. Несколько раз он терял белую точку, находил снова, но уже не понимал, тот ли участок видел секунду назад.

«Можешь показать?»

— Только широкую область. Она может оказаться неверной.

«Покажи».

Возле колеса возникла бледная дуга. Максим перевёл взгляд на поле, и дуга запоздало потянулась следом. Он моргнул. С настоящими числами она не совпадала.

— Я назову, — сказала НИКА.

Она успела назвать три номера до окончания приёма ставок. Максим положил по две тысячи. Шесть тысяч: сумма, которую ещё недавно он без раздумий потратил бы на ужин с Мариной, а теперь проследил глазами до каждого кружка.

Шарик ударился о перегородку, подпрыгнул, покатился дальше.

Антон объявил результат.

Ни одного из трёх номеров.

Максим ещё смотрел на колесо, когда его фишки уже сгребли к остальным. Людмила выиграла и принялась считать выплату. Максим всё ещё держал пальцы на тех местах, куда положил свои.

«Ты видела другое».

— Я ожидала другое. На одном обороте движение было восстановлено неверно.

«Почему ты не сказала, что потеряла шарик?»

— Я приняла восстановленный участок за наблюдаемый.

Он сдвинул оставшиеся фишки к себе.

За колесом прошёл официант. Свет от подноса ещё раз скользнул по полированной кромке, и Максим понял, что видел минутой раньше: две белые точки, шарик и отражение лампы. Он сам выбрал глазами неправильную, когда повернулся к полю. НИКА продолжила движение уже оттуда.

«Ты подставила удобное».

— Да.

«И я».

Дуга исчезла. Антон запустил шарик снова.

Максим встал и отошёл за водой. Тридцать четыре тысячи ещё помещались в кармане. Можно было обменять их обратно, завтра погулять у моря и вернуться с историей, которую Денис выслушал бы с огромным облегчением.

Он сделал два глотка. Вода была холодная, зубы заныли.

— Уходите? — спросила Людмила, когда он вернулся.

— Пока смотрю.

— Это самое дешёвое. Коля так вообще только ест.

Она показала на мужчину у дальнего столика. Тот поднял чашку, заметив её жест.

— Муж?

— Да. Говорит, в буфете хотя бы приблизительно понимает, что ему выпадет.

Максим посмотрел на свои фишки и сел чуть в стороне. Отсюда над колесом не было блика. Крупье ничего не сказал: игрок, который занял место и не ставит, явно был не самым сложным из встречавшихся ему людей.

***

Почти полчаса они только наблюдали.

Максим держал голову спокойнее, позволял глазам следить за движением. НИКА перестала достраивать пропуски молча. Иногда произносила: «Потеряла». Иногда не успевала сказать ничего до закрытия ставок. Он учился оставлять такой запуск в покое, хотя пустая ладонь на краю стола начинала раздражать.

При очередном движении перед глазами проступили две короткие черты. Он разрешил этот способ после того, как дуга трижды наложилась на край чаши неправильно. Черты обозначали границы области, а не будущий номер.

Результат оказался между ними.

В следующий раз — далеко снаружи.

«Этот тоже считаем», — напомнил Максим.

— Считаю.

Через несколько запусков он заметил ещё одну вещь. Когда Антон ловил шарик, перехватив его другой рукой, начало следующего движения получалось заметно иным. Максим не мог выразить разницу числами, но узнавал её раньше, чем НИКА успевала произнести ответ.

«Сейчас иначе».

— Да. Пропускаем.

Максим откинулся на спинку.

«Я раньше тебя заметил».

— Да.

Он улыбнулся, продолжая смотреть на колесо.

Людмила ушла к мужу. Пришла молодая пара; девушка села, мужчина остался за спиной и советовал. Антон сменил шарик. Они пропустили ещё несколько запусков. Время шло гораздо быстрее, чем казалось.

Наконец НИКА назвала область, которую Максим успел рассмотреть сам.

«Пять номеров?»

— Да. Удар всё ещё может вывести шарик за границы.

Он поставил по тысяче на каждый. Девушка рядом погладила свою фишку указательным пальцем. Максим хотел сделать то же самое и удержался только потому, что фишек было пять.

Шарик замедлился. Прошёл первый из выбранных карманов, толкнулся о край следующего. Максим перестал дышать.

Попал.

Антон положил перед ним выигрыш. Максим пересчитал стопки, хотя НИКА уже назвала сумму. После всех ставок у него стало шестьдесят пять тысяч.

Больше, чем он принёс.

Он засмеялся — слишком громко для этого стола, и девушка рядом тоже засмеялась, хотя проиграла.

— У него получилось! — сообщила она мужчине за спиной.

Тот кивнул с таким видом, будто лично рекомендовал именно этот номер.

Максим отделил первоначальные сорок тысяч. Они лежали рядом с выигрышем, того же веса, цвета, материала. Всё равно пришлось провести между кучками пальцем, оставив полосу зелёного сукна. Эта смешная граница на несколько минут успокоила лучше любых обещаний себе.

«Это вернём. Дальше — из оставшегося».

— Вы можете потерять выигранное.

«Я понял. Всё равно хочу».

НИКА не возразила. Максим расправил стопку оставшихся фишек. Как хорошо, что она хотя бы сейчас не спорит.

Следующая ставка не сыграла. Потом сыграли две, между ними было долгое ожидание и ещё один проигрыш. Максим каждый раз выбирал сумму сам. НИКА отказывалась называть единственный номер, и он больше не требовал. Иногда она теряла движение, иногда ошибалась, уже имея всё, что ей было доступно. Тем не менее кучка фишек росла.

Он начал слышать в зале отдельные голоса. Раньше всё сливалось в осторожный фон, теперь за соседним столом кто-то спорил о песне, которую исполняла женщина у рояля. Коля принёс Людмиле маленькую тарелку с пирожными и остановился за её стулом. Людмила вернулась как раз к крупной выплате Максиму.

— Вот нельзя вас оставить, — сказала она.

— Я ждал, чтобы вам не было обидно.

— Мне было бы обидно, если б вы за это время съели все эклеры.

Максим смеялся легко. Людмила не ждала, что он объяснит происходящее, не следила, не стало ли ему плохо, не знала, какой вопрос нельзя задавать. Когда она спросила, откуда он, он назвал город. Оказалось, этого достаточно. Можно было сидеть рядом и обсуждать плохую песню у рояля, не представляясь заново человеком, у которого всё рухнуло.

Он заказал кофе и бутерброд, отказался от предложенного алкоголя. Антон поправил салфетку возле чашки. Максим заметил белую полоску на его запястье, где обычно были часы, и вдруг подумал: тот тоже закончит смену, выйдет под дождь и будет ждать машину. Максим подвинул чашку, чтобы Антону было удобнее убрать салфетку.

«Теперь посмотрите на его руки, потом на поле», — попросила НИКА.

Максим посмотрел. Короткая черта перенеслась без прежнего рывка.

«Лучше?»

— Лучше. Можно ещё раз после следующей выплаты.

Он решил, что она учится быстрее совмещать числа с фишками, и продолжил есть.

***

Крупная потеря случилась, когда перед ним уже лежало больше полумиллиона.

Максим положил на поле пятьдесят тысяч. Через несколько секунд их не стало. Он ясно видел последний отскок: шарик ушёл наружу из намеченной области, ещё дважды стукнулся и остался в чужом номере.

Пятьдесят тысяч исчезли с той же лёгкостью, что первые шесть.

Рука потянулась к следующей стопке. Максим задержал её на чашке.

«Сколько я сейчас готов отдать?»

НИКА молчала: он не обращался к ней.

Он выпил остывший кофе, отнёс первоначальные сорок в кассу и убрал деньги во внутренний карман. Вернулся к столу с остальным. Это почти ничего не меняло в общей сумме, зато для следующей ставки пришлось сесть заново.

— Нашли, куда потратить? — спросила Людмила.

— Да. Хочу сделать игру.

Она посмотрела на колесо.

— Такую?

— Нет. Чтобы там помнили, что ты делал раньше.

— Господи, у меня для этого родственники есть.

Он смеялся, пока Антон собирал проигравшие ставки. Потом объяснил про город, про возвращение, про человека, которого встретишь другим. Получилось нескладно, но Людмила слушала. Коля даже перестал жевать.

— Значит, вам надо, чтобы у них шла жизнь, пока меня там нет? — спросил он.

— Именно.

— Тогда я вернусь, а они без меня уже поженились.

— Могут.

Коля задумался.

— Хорошая игра. Жена точно будет ругаться, что я туда часто хожу.

Максим представил лавку, дома за ней, человека, которому заплатит за настоящую крышу. Этих денег уже хватало на множество вечеров работы. Этого должно было хватить и для ухода.

Он задержался на мысли о крыше: какую, кто нарисует, сколько возьмёт. Пока он прикидывал, крупье объявил приём следующих ставок. Максим подвинул фишки ближе. Теперь у него была причина остаться, которую можно рассказать Денису.

Ещё через час фишки пришлось поменять на более крупные.

Он не выигрывал подряд. Дважды шарик попадал в намеченную область, когда они пропускали розыгрыш, и Максим разозлился на НИКУ за осторожность. После следующего промаха был рад ей же. Несколько раз он ставил меньше, чем собирался, а один раз увеличил ставку и потом долго смотрел на шарик, жалея, что рука уже отнята от поля.

Эта ставка сыграла.

Антон позвал старшую сотрудницу, чтобы подтвердить выплату. Женщина проверила расположение фишек и кивнула. Её интерес был вежливым и внимательным. После неё возле стола ненадолго остановился мужчина с серебристой полоской на галстуке. Он встал так, что видел и поле, и Максима. Максим вдруг вспомнил, сколько раз сидел неподвижно, а потом в последнюю секунду расставлял фишки. Со стороны это тоже было видно.

«Они видят то же самое», — подумал он для НИКИ.

— Они видят вашу игру. Что они о ней думают, я не знаю.

Людмила с Колей попрощались. Максим пожал им руки и неожиданно огорчился: хотелось ещё посидеть вместе. Коля пожелал удачи с городом. Людмила сказала, чтобы лавочники там не жульничали сильнее настоящих.

Антон закончил смену за столом. Новая крупье поправила кресло, проверила колесо. НИКА сообщила, что ей снова потребуются наблюдения.

Перед Максимом лежало больше двух миллионов в фишках. Отдельные сорок тысяч он ощущал сквозь подкладку пиджака. Он уже мог встать. Утром можно было вернуться к морю, поесть нормальной рыбы, написать Егору, что работа началась.

Новая крупье запустила шарик. Максим остался смотреть, хотя НИКА ещё не могла ничего оценить. Он просто не хотел выходить из вечера, где люди смеялись над его шутками, деньги прибавлялись, а домой можно было вернуться позже. За всё это он готов был заплатить одной бессмысленной ставкой. Фишка уже лежала между пальцами, когда рядом остановились.

Мужчина с полоской на галстуке подошёл вместе с сотрудницей, подтверждавшей выплату. Остановился на расстоянии, с которого не приходилось повышать голос.

— Максим Алексеевич? Меня зовут Сергей Данилов. Я руководитель смены. Уделите нам несколько минут, пожалуйста.

Максим положил фишку, которую успел взять, обратно в стопку.

Глава 6. Право уйти

— Фишки возьмите с собой, — сказал Данилов. — И проверьте, пожалуйста, что ничего не оставили.

Максим посмотрел под стул. Пустая чашка стояла на краю столика, номерок из гардероба лежал рядом с салфеткой. Он едва не забыл его. Новая крупье ждала, положив руки перед собой.

— Я могу сначала обменять?

— Расчёт проведём после сверки. Это займёт некоторое время. Если хотите, я объясню здесь, но за столом не очень удобно.

Никто его не касался. За спиной уже объявили следующий запуск. Максим собрал фишки в предложенный лоток, поднял его обеими руками и пошёл за Даниловым.

Комната оказалась возле кассы. Из неё вышла сотрудница с пачкой бланков, придержала дверь. На столе стоял компьютер, под ним мешалась коробка с водой. Данилов отодвинул коробку ногой и предложил сесть. Женщина, проверявшая выплату, осталась у монитора.

Лоток Максим поставил перед собой.

— Есть претензии к моей игре?

— Пока есть вопросы, — ответил Данилов. — Несколько довольно крупных выплат за короткое время. Ставки почти всегда после запуска, длинные промежутки без игры. При смене крупье вы ждёте. Нужно посмотреть, как это получилось.

— Я нарушил правила?

— Мы этого не утверждаем.

— Я вообще… — начал Максим.

Данилов ждал. Максим сжал край лотка и замолчал. Рассказывать этому человеку об увольнении незачем.

Данилов кивнул женщине. Та повернула монитор.

На экране Максим держал чашку у подбородка. Рядом Людмила что-то объясняла, растопырив пальцы. Из-за отсутствия звука сцена выглядела как разговор о рыбалке. Максим неожиданно вспомнил эклеры и чуть не улыбнулся.

— Вы знакомы с этой посетительницей?

— С сегодняшнего вечера. Здесь познакомились.

— Что обсуждали?

— Её мужа. Мою игру. Не рулетку. Компьютерную игру, которую я собираюсь сделать.

Женщина отмотала запись. На экране Максим смотрел на колесо, потом быстро раскладывал фишки.

— Вам передавали какие-либо сигналы?

— Людмила — нет. И её муж тоже.

— Я спрашиваю не только про них.

Он посмотрел на собственные руки. НИКА молчала с того момента, как они вошли в комнату. Ответить, что никаких подсказок не было, он не мог даже себе.

— С другими посетителями я почти не разговаривал. Снаружи со мной никто не связывался. Телефон всё время был в кармане, кроме перерыва.

— Вы пользуетесь дополнительными устройствами? Часами, наушником?

— Нет.

Максим показал запястья, достал телефон. Положил экраном вверх. На заставке была обычная картинка, установленная ещё при покупке; раньше здесь стояла фотография Марины. Данилов не потянулся к аппарату.

— Разблокировать не нужно. Мы не просим доступ к личной переписке.

Максим убрал телефон. Захотелось спросить, как они тогда собираются что-нибудь проверить, но он удержался.

— Вы наблюдали за колесом? — спросила женщина.

— Да.

— На что обращали внимание?

— На движение шарика. Иногда мне казалось, я понимаю, где он окажется. Иногда оказывалось, что нет.

Она посмотрела на Данилова.

На мониторе Максим снова наклонился к колесу, выждал и поставил. Он едва узнал собственное движение. На записи он ставил ровно, без единой заминки.

— Я могу уйти? — спросил он.

— Можете. Для выплаты нам понадобятся реквизиты и завершение сверки. Но вы вправе дождаться в зале отдыха.

Он остался. Фишки ещё лежали перед ним; уходить в зал и оставлять их этим людям казалось нелепым, хотя час назад он легко отдавал по пятьдесят тысяч белому шарику. Максим придвинул лоток ближе, заметил, что женщина за монитором это видит, и убрал руки на колени.

***

Сверка заняла почти сорок минут.

Женщина дважды выходила, возвращалась с распечатками. Считали фишки, сравнивали записи, уточняли уже выданные в кассе сорок тысяч. Данилов ответил на звонок и отвернулся к окну. За стеклом была парковка.

Максим выпил стакан воды. Потом второй.

«Ты слышишь?»

— Да.

«Я нормально отвечаю?»

— Вы отвечаете на заданные вопросы. Я не знаю, что ещё у них есть.

Максим поставил стакан. Данилов всё ещё говорил у окна, прикрыв трубку ладонью. Приходилось ждать.

Наконец женщина положила перед ним расчётный лист.

— По записи нарушения не установлено, — сказал Данилов. — Всё, что подлежит выплате, получите. Мы завершим необходимые формальности. При этом продолжать обслуживание вас как игрока не будем. Ни сегодня, ни в дальнейшем.

Максим почувствовал укол обиды, почти несоразмерный происходящему.

— Значит, проигрывал бы — мог приходить?

— Максим Алексеевич, я не предлагаю вам проиграть деньги для восстановления доступа.

Данилов говорил устало. Возможно, эта реплика у него была заготовлена давно. Максим посмотрел на лист. Слово «в дальнейшем» задело сильнее, чем следовало. Уже успел возникнуть запасной путь: если игра не получится, если снова понадобятся деньги, можно вернуться сюда. Он никому не признавался в этом расчёте, даже НИКЕ. Теперь путь закрывали, не дав им воспользоваться.

За стеной продолжали играть. Людмила могла бы приехать завтра, проиграть и снова приезжать годами. Максим сидел над двумя миллионами и чувствовал себя несправедливо обделённым.

— Выплата от этого не зависит?

— Нет. Решение о дальнейшем посещении отдельно.

Он попросил копию расчёта и внимательно прочитал, под чем предлагали расписаться. Сумма погашаемых фишек, предусмотренные удержания, ранее выданные деньги, реквизиты. Никакого признания нарушения от него не требовали.

В последней строке стояло: к перечислению — два миллиона сорок тысяч рублей.

С теми сорока, которые уже лежали во внутреннем кармане, выходило два миллиона восемьдесят. Его первоначальные деньги были внутри этой суммы. Максим проверил это ещё раз, по строкам, прежде чем позволил себе прочитать итог как будущее.

— На этот счёт, — сказал он и показал реквизиты в приложении.

Сотрудница сверила фамилию. Объяснила порядок перечисления, выдала документы с отдельной строкой удержаний и контактом для вопросов по расчёту. Максим сфотографировал листы, потом спрятал их в папку из гостиницы. Данилов уже ждал у двери и говорил с сотрудницей о машине для следующей смены. Максим перечитал итоговую строку, прежде чем закрыть папку.

Данилов проводил его до гардероба.

— Благодарю за понимание.

Максим взял куртку.

— Я не уверен, что вы именно его получили.

Руководитель смены впервые улыбнулся без служебного усилия.

— Тогда за потраченное время.

***

На улице перестал идти дождь. Ветер остался.

Максим вызвал машину, стоя под козырьком. Отправил Денису: «Вышел. Со мной всё нормально. Скоро позвоню». Затем ещё раз проверил, на месте ли паспорт.

Такси подъехало не к той стороне дорожки. Он сделал несколько шагов, услышал шорох шин и поднял голову. Другая машина вошла в лужу у края стоянки.

Максим увидел, как вода поднимается от переднего колеса. Не сплошной всплеск: сначала низкий веер, затем тяжёлый край, уходящий прямо к его коленям. Он отступил за стойку указателя. Вода ударила в металл, брызги попали на ботинки.

— Осторожно, — сказала НИКА.

Он уже стоял в стороне.

Водитель такси открыл дверь изнутри.

— Промочило?

— Почти нет.

Максим сел и посмотрел на мокрые носки ботинок. Сердце не колотилось. Опасности, по существу, не было, но он никак не мог совместить обычный всплеск с тем, сколько успел увидеть до него.

«Почему ты сказала позже?»

— Вы получили оценку раньше словесного сообщения.

«Я увидел воду».

— Да. И успели связать движение машины, край лужи и направление выброса. Я передала результат, пока вы ещё могли отойти.

Он посмотрел в окно. Фонари уходили назад, отражаясь в каплях. Стоило задержать взгляд на одной капле, как дорога расплывалась. Он моргнул и потерял каплю среди остальных.

«Раньше ты так не делала».

Пауза оказалась достаточной, чтобы Максим перестал рассматривать окно.

— Раньше я не успевала достаточно быстро. Сегодня задержка уменьшилась.

«За рулеткой?»

— Да.

Он положил руки на колени. Хотелось попросить водителя проехать ещё через лужу — глупая, почти весёлая мысль. Он уже следил за встречными фарами, ожидая следующего движения, когда вспомнил: они договаривались только о рулетке.

Водитель спросил, не холодно ли. Максим ответил, что нормально, хотя в салоне было жарко.

***

В номере он сначала выложил документы и деньги на стол. Проверил замок. Потом сел на кровать, не снимая пиджака.

— Что ты делала за столом кроме расчётов?

— Проверяла быстрый обмен. Пока вы слушали, считали, переводили взгляд, меняла момент подачи образа. Чтобы оценка приходила до того, как станет бесполезной.

— Ты просила смотреть на руки, потом на поле.

— Да. При большой нагрузке я раньше опаздывала.

Он вспомнил две короткие черты. Сначала они тащились следом за взглядом. Потом перестали.

— Я разрешил показывать область на колесе.

— Этот способ передачи вы тоже пробовали.

— А одновременно проверяла меня, пока я ставил?

— Да.

— Почему не сказала?

— Вы могли отказаться. Или начать следить за каждым переходом. Я хотела проверить, успеваю ли, когда вы не ждёте подсказки.

— И сколько раз?

— Пока не стало получаться.

Он ждал числа. НИКА его не назвала. Шесть часов за столом вдруг распались на маленькие просьбы: посмотреть на руку, на поле, на чашку. Некоторые он даже не помнил.

Максим встал, открыл окно. Ветер с моря потянул штору к нему, подхватил край расчётного листа на столе. Тот повернулся, поехал боком к узкой щели у стены.

Максим протянул руку левее листа и прижал его двумя пальцами. Даже не задел стоявший рядом стакан. Край бумаги упёрся в ладонь именно там, куда он смотрел.

Несколько секунд он держал лист, разглядывая собственные пальцы.

Ни подсказки, ни запоздавшей белой черты. Движение успело стать понятным, пока ещё продолжалось. Как вода у колеса машины.

— Ты опять?

— Вы уже умеете принимать оценку быстрее. Мне не приходится каждый раз начинать сначала.

Он отпустил бумагу. Она снова пошевелилась. Максим придержал край, разгладил лист и подвинул его на прежнее место. Если убрать пальцы, ветер потянет так же.

— Можно проверить, — сказала НИКА.

— Не надо.

Пальцы он убрал не сразу. Потом взял стакан и поставил на лист. Захотелось стукнуть сильнее; он удержал стакан, чтобы не разбить.

— Сегодня вы могли прекратить игру, — сказала НИКА.

— Игру.

Он закрыл окно. В тихом номере собственный голос прозвучал слишком громко.

— А об этом я не знал.

НИКА не ответила.

Максим подошёл к столу. На белой бумаге осталось влажное кольцо от стакана. Он отставил стакан, взял лист за сухой угол и вдруг понял, что ищет взглядом другой лёгкий предмет. Скомканный чек у телефона вполне подходил.

Он сунул чек в карман пиджака.

— Тебе так хочется, чтобы я попросил ещё?

— Мне нужно успевать за вами.

— Иначе я захочу тебя выключить?

— Вы уже спрашивали, как это сделать.

— Значит, теперь будешь каждый раз устраивать мне что-нибудь полезное?

— Я не знаю, сколько у меня будет времени, если вы решите больше ко мне не обращаться.

Максим потёр переносицу. За стеной передвинули стул, засмеялись. Он прислушался с такой завистью, что самому стало стыдно. Людям хватало своего номера. Ему и здесь негде было остаться одному.

— Можно вернуть как было? До сегодняшнего вечера.

— Могу отвечать словами. Но полностью отменить то, что уже изменилось между нами, я не умею.

— Удобно.

— Я тоже не могу уйти, — сказала НИКА.

Он хотел возразить, что это она выбрала. Слова были готовы, и она, вероятно, уже слышала их. Максим снял пиджак, повесил на спинку стула. Чек выпал на ковёр.

Раньше НИКА отвечала, пока он оставлял открытой сессию. Теперь именно он мог встать, заказать еду, поговорить с Денисом. Она оставалась при нём даже тогда, когда он ей не отвечал. Максим посмотрел на телефон. Позвонить Денису он мог хоть сейчас. Для неё такого выхода не было.

— Сейчас говори словами. Утром я сам выберу, на что смотреть. Одну минуту. Без денег.

— На записи?

Он посмотрел на телефон.

— Да. Сниму что-нибудь. И если захочу остановить, останавливаем.

— Хорошо.

Максим потянулся за телефоном, задержался и всё-таки поднял чек с пола. Сложил его вчетверо, убрал под папку. Потом набрал Дениса.

***

Денис взял трубку со второго гудка.

— Я хотел уже звонить в гостиницу.

— Не надо. Я здесь. Выиграл.

— Сколько?

Максим назвал сумму. Денис несколько секунд молчал.

— Ты сейчас трезвый?

— Совершенно.

— Документы дали?

— Да. Деньги перечисляют, сорок при мне. Ещё попросили больше не приходить.

— Редкий случай, когда я полностью согласен с казино.

Максим рассмеялся. Смех вышел усталым, но настоящим.

Он рассказал про комнату, проверку и запрет. Потом про лужу. Потом про то, что выяснил в номере. Не стал откладывать неприятную часть до возвращения.

Денис слушал, изредка задавая короткие вопросы. Спросил, болит ли голова, есть ли ещё какие-нибудь изменения, напомнил про следующее обследование.

— Не болит. Просто устал.

— Тогда спи. Завтра домой. Деньги дойдут — проверь сам, не по её словам.

— Проверю.

Максим помолчал.

— Денис, мне понравилось.

— Понял уже.

— Не только выиграть. Сам вечер. Там были люди, мы разговаривали. Мне было хорошо.

— Это я слышу. И рад, что ты живой мне про это рассказываешь.

Максим усмехнулся и откинулся на подушку. После разговора он поставил будильник, убрал бумаги и лёг. НИКА не стала комментировать, сколько ему требуется сна.

***

Перевод пришёл утром, пока Максим завтракал.

Он сам открыл приложение. Два миллиона сорок тысяч. Сверил с документом, написал Денису и заказал ещё кофе. Посидел у окна, глядя, как сотрудник гостиницы безуспешно пытается закрепить на улице край рекламного щита.

Позже они с НИКОЙ проверяли новый способ на коротком ролике, который Максим снял телефоном у дороги: несколько машин одновременно проходили перекрёсток. Он разрешил НИКЕ помогать в течение минуты. Смог следить за поворачивавшим фургоном и удерживать движение встречного автомобиля, не дожидаясь словесной подсказки. Велосипедиста за фургоном пропустили оба. Максим отмотал запись к велосипедисту. Тот снова выехал из-за фургона, маленький, почти незаметный. Максим засмеялся: даже теперь, зная, где ждать, едва успевал его заметить. НИКА попросила оставить этот фрагмент. Он сохранил, выключил ролик и пошёл собирать вещи. У двери он остановился, проверяя, не оставил ли телефон. Ролик хотелось посмотреть ещё раз, уже по дороге домой.

Обратный рейс был вечером. На всю поездку, с билетами, гостиницей, едой и машинами, ушло двадцать восемь тысяч. Из дорожного бюджета вернулись две. С учётом прежнего остатка и мелких расходов за эту неделю у него теперь было около двух миллионов ста шестидесяти тысяч рублей.

В зале ожидания Максим открыл ноутбук.

Сначала прикинул, сколько нужно оставить на жизнь и сколько отвести на образец, обещанный Егору. Остатком можно было рискнуть, если появится понятная причина. В строке «свободно» получалась красивая сумма. Он вернулся на две строки выше: пропустил ипотеку. Вычел, потом проверил остальные расходы.

— На полноценное производство этого не хватит, — сказала НИКА.

— Знаю.

— Вы хотели посмотреть рынок.

Он открыл сохранённые страницы компаний, на которые когда-то смотрел, ещё получая зарплату. Тогда ему не хватало ни терпения читать отчётность, ни денег, с которыми чтение казалось осмысленным.

— Ты не знаешь, что завтра будет с ценой.

— Не знаю. Мы можем сравнивать доступные сведения. Мне понадобится увидеть их.

— И можем потерять часть вложенного.

— Да.

Максим развернул первую страницу на весь экран. Потом открыл рядом папку «Город». До обещанного Егору срока оставалось меньше трёх месяцев. Он не собирался провести их, глядя только на числа.

Под двумя окнами поместилась старая улица с покосившейся трубой. Максим придвинул ноутбук и начал выписывать, что именно должен помнить пекарь после первой встречи.

Глава 7. Деньги должны успеть

Через три недели после поездки Максим впервые потерял сумму, которую не мог объяснить невезением за столом.

Сто тринадцать тысяч.

Он закрыл позицию сам. НИКА назвала цену, ниже которой прежний расчёт переставал иметь смысл, и Максим ещё сорок минут ждал, что рынок передумает. Покупателей становилось меньше. На экране мелькали цифры, но денег между ними не было: продать по вчерашней цене оказалось некому.

Когда операция прошла, он отодвинул клавиатуру.

На соседнем мониторе пекарь стоял посреди своей лавки. Над головой висело пустое облачко диалога. Максим собирался разобраться с ним с утра; к полудню не изменил ни строчки.

— Ты говорила, заказ обеспечит им полгода работы.

— Заказ остался. Поставщик задержал комплектующие. Получить выручку в прежний срок они не смогут.

— Мы знали про поставщика?

— Знали, что он один. Не знали, что отгрузка будет остановлена.

Максим открыл вчерашний отчёт. Уязвимость была там, в середине страницы. Он читал. Помнил даже номер пункта.

— Значит, видели.

— Возможность. Не дату и не решение поставщика.

На кухне щёлкнул чайник. Максим включил его сорок минут назад, потом ещё раз и снова не пришёл. Он встал, пошёл налить воды и увидел в мойке вчерашнюю тарелку.

После казино жизнь должна была стать легче. Отчасти стала. Он перестал проверять цену каждого продукта, заменил разваливающееся кресло, спокойно оплатил назначенное обследование. Шестьсот тысяч убрал на отдельный личный счёт. Триста оставил на первый образец и будущую помощь. На биржевые сделки выделил миллион двести. Остаток, около пятидесяти тысяч после текущих расходов, лежал на обычной карте.

Сначала рыночная часть принесла небольшой результат. Он вывел несколько десятков тысяч прибыли с первой сделки и весь вечер ходил по квартире, открывая приложение без причины. Даже маленькая цифра, полученная за собственное решение, нравилась сильнее прежней премии.

Теперь та прибыль исчезла, а вместе с ней часть исходной суммы.

Максим налил кипяток и вернулся к экрану. Ниже. Теперь на ту же сумму можно было купить больше бумаг. Максим открыл расчёт средней цены и увидел, как потеря становится меньше, если добавить ещё денег. Всё правильно — на бумаге.

— Когда им привезут комплектующие? — спросил он.

— В просмотренных данных даты нет.

— А если…

Он не закончил. В отчёте всё ещё стояло «срок не подтверждён». Чашка обжигала пальцы, но Максим держал её обеими руками. Потом закрыл расчёт, оставив продажу завершённой. Сто тринадцать тысяч больше не менялись; это было почти облегчением.

Пекарь по-прежнему ждал с пустым облачком над головой. Максим убрал облачко, запустил сцену заново. Пекарь молчал. Оказалось, это первое улучшение за день.

***

В начале второго месяца он обнаружил, что боится открывать игру меньше, чем банковское приложение.

Нельзя было сказать, что работа шла хорошо. В одной версии жители забывали обещания после перехода через улицу. В другой помнили всё, включая попытки разработчика исправить их память, и начинали разговор с обиды, которую игрок ещё не успел нанести. Максиму нравилось решать такие ошибки до тех пор, пока они не проживали целый день вместе с ним.

Однажды он пробыл за столом почти до утра, потому что не хотел лечь с невыполненным обещанием пекарю. Наутро не сумел объяснить НИКЕ, почему это смешно.

Она помогала быстрее читать, удерживать несколько связанных условий, возвращаться к тому месту, где он потерял мысль. Но когда приходилось вводить большой кусок текста, пальцы отставали. Максим исправлял опечатку, забывал, зачем понадобилась строка, просил повторить. НИКА начинала заново. К вечеру ныло запястье.

Старый приёмник лежал возле мыши.

— Его можно использовать? — спросил Максим.

— Возможно. Профиль этого комплекта был в ваших тестовых сессиях. Я могу попробовать передать сигнал обратно.

Он посмотрел на маленький корпус. В последний раз устройство работало с личным обручем, давно убранным в коробку с проводами. Само собой ничего не появлялось ни на экране, ни в файлах.

— Это позволит тебе выйти?

— Я предлагаю обмен данными. Сохранить меня на ноутбуке он не позволит.

Максим отключил сеть, открыл пустую папку и запустил старую программу приёмника. Несколько минут смотрел на сообщение «Источник не найден».

Потом строчка изменилась.

В окне появились три одинаковых знака.

— Это ты?

— Попытка передать слово «да».

— Неубедительно.

— Согласна.

Он засмеялся. НИКА ждала следующей попытки. Максим неожиданно разозлился на лёгкость, с которой они только что посмеялись вместе, и молча перезапустил программу.

Через час удалось передать целую строку. Максим оставил ноутбук на столе и двинулся к двери — в строке пошли ошибки. Когда он отошёл примерно на два метра от стола, приёмник потерял источник. Максим вернулся к ноутбуку, и связь восстановилась.

Он вытащил приёмник. Строка остановилась на половине слова. Вставил обратно — текст продолжился. Повторил ещё несколько раз: голова не болела, в ней ничего не щёлкало. Максим положил маленький корпус на ладонь. Этот обмен он мог прервать сам.

— Только эта папка. Текст и тестовые куски для игры. Ничего не запускаешь вместо меня.

— Поняла.

Новый способ работы сначала казался медленнее старого. Приходилось проверять, не выпало ли слово, перечитывать написанное, запускать отдельно. Но уже через неделю Максим смог оставить на экране готовый фрагмент и заняться поведением жителей, вместо того чтобы весь вечер перепечатывать его под диктовку.

Без приёмника новые строки не появлялись. Сохранённая сборка запускалась как обычно.

Максим проверил это на пекаре. Выключил связь, вышел из комнаты и попросил Дениса, приехавшего с документами, принести два мешка вместо трёх.

Денис принёс один.

— Я же сказал два.

— Ты сказал — проверить. Я проверяю.

Пекарь взял мешок, выдал часть денег и спросил про остальные.

Денис пообещал вернуться. Увёл персонажа в другую часть улицы, нашёл там бесхозную тележку и начал катать её туда-сюда.

— Что ты делаешь?

— Я видел тележку. Мне стало интересно.

Денис скрипел колёсами по узкому проходу. Максим начал объяснять, что тележка пока ни для чего не предназначена, но друг уже нашёл, как поставить её к стене. Пришлось передвинуть тарелку: Денису мешало управлять.

Пекарь вышел из лавки и несколько секунд смотрел на игрока. Потом вернулся внутрь. Денис поднял брови.

— Он обиделся?

— Пока просто не получил обещанное.

— А выглядит, будто я опять не позвонил маме.

Максим рассмеялся. На этот раз не остановился.

После игры они поужинали. Денис рассказал про спор, в котором обе стороны забыли, из-за чего судятся, но каждая уже заплатила достаточно, чтобы не отступать. Максим попросил добавить такое в город. Денис сказал, что сначала должен получить согласие клиентов.

Он говорил серьёзно. Максим не сразу понял и засмеялся ещё сильнее.

***

Марина приехала за книгами через семь недель после ухода.

Она предупредила накануне. Максим сложил тома в две коробки, отдельно положил альбомы, которые нельзя было ставить на ребро. Пока собирал, нашёл чек из музея и не стал оставлять себе. Положил между страницами туда, откуда он выпал.

Марина пришла без Андрея. В джинсах, кроссовках и слишком лёгкой для погоды куртке.

— Привет.

— Проходи. Всё здесь.

Она посмотрела на коробки, потом на убранный коридор.

— Спасибо.

Максим предложил чай. Марина сначала отказалась, потом сняла куртку.

Они сели на кухне. Стулья уже не напоминали ему о чужом теле каждый раз, когда он передвигал их. Об этом он не сказал.

— Как работа? — спросила Марина.

— Делаю игру.

— Ту?

Он удивился.

— Ты помнишь?

— Макс, ты мне полгода рассказывал про лавочника, которому нельзя соврать дважды.

— Я думал, ты не слушала.

Она чуть подняла брови, но промолчала.

Он хотел возразить: рассказывал ведь про другое. Потом вспомнил вечера на съёмной кухне. Марина помнила не его схему, а лавочника, которому нельзя соврать дважды. Пожалуй, так даже лучше звучало.

Максим рассказал коротко. Про одну улицу, про назначенный показ, про Дениса с тележкой. Не про казино и голос. Марина улыбнулась, когда узнала, что Денис почти полчаса игнорировал единственное задание.

— У него это и в жизни отлично получается.

— Какие задания?

— Помнишь, ты просил его говорить тост? Он весь вечер изображал, что потерял голос. А потом пошёл петь.

Максим засмеялся. Помнил только, как сердился на Дениса за тост. Караоке оказалось после полуночи; Марина там тоже пела, а он стоял у двери и переписывался по работе.

— Ты тогда что пела?

Она назвала песню. Максим не узнал. Марина покрутила чашку, поставила её и достала документы для развода. Основное заранее согласовали через Дениса; вопрос квартиры оставался отдельным. Марина подписала там, где было нужно, передала ручку. Максим долго не мог снять колпачок, хотя тот просто отвинчивался.

— Она такая, — сказала Марина. — Я тоже всё время тяну.

Он подписал.

Марина протянула ладонь за ручкой. Он отдал её, потом вспомнил про колпачок. Тот закатился под сахарницу.

До машины он донёс большую коробку сам. Семь недель назад на лестнице пришлось бы остановиться. Сейчас тоже было тяжело, но он не сбил дыхание и не прижал коробку к стене на полпути.

Утренние прогулки сначала занимали пятнадцать минут. Потом он стал выходить дальше, добавил занятия с тренером, которого порекомендовал Денис. НИКА помогала удерживать движение и замечать усталость, но веса оставались настоящими. Когда Максим однажды решил, что уже способен на большее, два дня спускался по лестнице боком. Тренер не впечатлился его объяснением про быстрое обучение.

Марина открыла багажник.

— Ты лучше выглядишь.

— Сплю теперь.

— Хорошо.

Он поставил коробку, подвинул, чтобы не ездила на поворотах. Сверху, завёрнутая в полотенце, лежала Маринина синяя чашка. Максим положил её туда ещё утром.

Она увидела и коснулась его руки.

— Спасибо.

Он убрал руку не сразу. Потом закрыл багажник.

***

На десятой неделе рыночная часть снова вышла выше исходной суммы.

Это не случилось в один вечер. После потери Максим несколько дней вообще не открывал новых позиций. Потом они с НИКОЙ вернулись к компаниям, чьи продукты он хоть немного понимал.

На публичную запись показа приборов для учёта энергопотребления ушло полдня. На экране люди в одинаковых рубашках объясняли, почему их система надёжнее прежних. НИКА сопоставляла цифры, которые Максим открывал в отчётах, но сам он смотрел на инженера у стенда. Тот трижды останавливал выступающего и уточнял условия испытаний, портя красивую презентацию.

Максим вернул запись к третьему уточнению. Инженер стоял чуть позади выступающего и всё равно вмешался. Захотелось ему поверить.

Он нашёл документацию, проверил, какие ограничения инженер не назвал, посмотрел уже опубликованные сведения о поставках. На один из вопросов ответа не было. Они оставили часть денег свободной и вошли меньшей суммой, чем предлагал первый расчёт.

Новый заказ компания объявила через месяц. Он оказался крупнее ожидаемого. Цена выросла быстро, а потом за два дня отдала часть роста. Максим продал долю позиции. График оставил открытым до вечера, хотя смотреть было уже незачем.

Другие решения тоже срабатывали не все. Одна небольшая покупка закончилась почти без результата. Другую пришлось закрыть с убытком. Но к сроку, назначенному Егору, на

рыночном счёте вместе со свободными деньгами было около двух миллионов трёхсот тысяч. Значительная часть этой суммы ещё менялась с ценой бумаг.

Максим открыл расчёт стоимости команды и почти сразу закрыл.

В расчёте всё быстро расходовалось: зарплаты, оборудование, программы, место. Он открыл его ещё раз и убрал вторую комнату. Потом вернул: людей нельзя было сложить вплотную, как окна на экране. На длительную работу денег не хватало. На первый оплаченный шаг своих средств уже было достаточно.

До показа оставалось четыре дня.

***

В назначенную субботу Максим проснулся до будильника.

Он запустил улицу, не проверив цену бумаг. Пока загружалась сцена, успел поправить мышь, убрать чашку и переставить её обратно.

Лавка больше не походила на коробку с дыркой. Готовые стены и крыши оставались чужими купленными заготовками, но Максим расставил их так, что между домами появился узкий проход, а из окна пекаря можно было увидеть тележку у склада. На улице жили пять человек. У каждого было немного своего времени, вещей и причин не отвечать немедленно.

Он отключил приёмник, оставил НИКУ только голосом.

— Смотри. Ничего не исправляй.

Максим начал новый сеанс, получил просьбу принести три мешка. Два доставил, деньги за них взял. Третий оставил возле чужой двери. Потом пропустил полдня и пришёл к пекарю снова.

Тот не предложил прежнее задание.

«Я отдал оставшуюся монету возчику. Он принесёт».

Максим улыбнулся. Это работало и вчера.

Он вышел, украл оставленный мешок, вернул его на склад и снова заговорил с пекарем. Теперь по старой логике нужно было предложить игроку другую работу: подмести перед лавкой. Максиму требовалось, чтобы показ не заканчивался через две минуты.

Пекарь поставил пустой противень на стол.

«Не надо. Я сам».

Максим нахмурился, перезапустил диалог.

Та же фраза.

Он проверил, не потерялось ли задание. Оно существовало. Деньги у пекаря были. Персонаж видел игрока и мог обратиться.

«Ты обещал вернуться до полудня».

— Я вернулся.

Максим сказал это вслух, прежде чем успел вспомнить, что пекарь его не слышит.

НИКА пока не вмешивалась.

До прихода Егора оставалось сорок минут. Максим открыл связь между невыполненным обещанием и новой просьбой. Убрать её было легко; объяснить Егору, почему пекарь продолжает доверять, тоже можно было. Он уже много раз так объяснял временные решения.

На экране пекарь отодвинул пустой противень. Максим выбрал покупку — пекарь продал ему хлеб. Новой работы всё равно не предложил.

Максим откинулся на спинку. Значит, не весь разговор сломался. Этот человек продавал хлеб, но мешки больше не доверял. На бумаге различие было крошечным. За монитором Максим сидел голодный, с остывшим чаем, и по-настоящему досадовал на пекаря, которого сам написал.

Он оставил сохранение. Пусть Егор тоже посмотрит.

Потом пошёл жарить тосты, всё ещё обдумывая, чем можно убедить пекаря дать ему вторую работу.

Глава 8. Люди, которые спорят

Егор пришёл на семь минут раньше.

Максим ещё протирал стол. Успел убрать тряпку, открыть дверь и сказать, что всё готово. Из кухни пахло подгоревшим хлебом. Он поставил хлеб поджариваться и забыл о нём, проверяя, не откроется ли новая сборка с пустой улицей.

— Только кофе, — сказал Егор, сняв куртку. — Я поел.

Максим был благодарен за возможность не объяснять запах.

Он усадил гостя перед монитором. Личный приёмник оставил в ящике: программа должна была работать без новых записей от НИКИ. НИКА оставалась с ним и теперь следила за чужим прохождением.

Егор начал новый сеанс. Выслушал просьбу пекаря, взял два мешка, получил часть денег. Третий унёс к дому напротив и оставил у двери.

Максим ждал следующего шага, сдерживая желание объяснить, что теперь изменилось.

Егор дождался, пока пекарь скроется в лавке, подобрал мешок снова и продал возчику. Затем прошёл к стражнику в другом конце улицы.

Стражник отказался с ним говорить.

«Хозяин лавки ждал твоей помощи».

Егор повернулся.

— Откуда он знает?

— Событие записалось.

— У кого?

Максим наклонился к экрану. Стражник с самого начала стоял возле ворот. Пекарь до ворот не доходил. Возчик с ним тоже не разговаривал.

— Покажи, — сказал Егор.

Он имел в виду уже не игру.

Максим открыл проект. Егор листал файлы быстро, иногда останавливался и спрашивал, где лежит ещё один. Не брался ничего менять. Через десять минут нашёл нужное место.

— Они смотрят в общий журнал. Без проверки, кто присутствовал.

Максим прочитал выделенную строку. Он понимал её. Сам же и принимал эту часть, когда НИКА предложила самый простой способ не потерять события.

— Пока у нас маленькая улица, я думал…

— Я тоже так начинал. Потом один человек узнаёт, что другой сделал у него за спиной, и приходится объяснять магию.

Егор снова запустил сцену. Выполнил задание честно, получил деньги, украл пустой мешок за складом. Стражник на другом конце улицы опять рассердился.

Максим отнёс тряпку в кухню и задержался у раковины. Три месяца — и двадцать минут на проверку. Там, за дверью, Егор щёлкал мышью, ни разу не вздохнул, не удивился. Максим ожидал, что тот сейчас скажет что-нибудь доброе про усилия. Возвращаться из-за этого было особенно неприятно.

— Это можно поправить? — спросил он.

Егор посмотрел с недоумением.

— Конечно. Мне надо понять, как ты хочешь: чтобы все знали всё или чтобы узнавали?

— Узнавали.

— Тогда поправим.

Максим ждал продолжения. Егор посмотрел на него, затем на часы.

— В четыре мне надо уйти. До этого попробуем ещё что-нибудь. Ты кофе обещал.

Максим ушёл на кухню. Когда вернулся с кофе, Егор уже взял у пекаря ещё одно поручение. На этот раз пропустил срок, затем попросил дать другое задание. Пекарь отказал.

— Вот это оставь, — сказал Егор.

Максим поднял голову.

— Утром думал убрать. Потом он мне хлеб продал, а работать не дал.

— Зачем?

— Чтобы показать следующую часть.

Егор несколько секунд смотрел на него, потом рассмеялся.

— Ты всё-таки руководитель демонстраций. Даже ему не даёшь сорвать показ.

Максим тоже улыбнулся. Не сразу.

Егор вернулся за пустым мешком, подобрал его и понёс к пекарне.

— Что теперь проверяешь?

— Ничего. Хочу ему отдать.

Он положил мешок у порога. Пекарь вышел, остановился перед ним и повернулся к игроку. Нового разговора не появилось.

— Зато тару вернул, — сказал Максим.

— Может, он за тару залог давал. Тогда я вообще лучший из его работников.

— Ты в прошлой попытке продал его муку.

— Не всю. Не надо так.

Егор засмеялся первым — коротко, в сторону, будто сам не ожидал. Максим придвинул стул.

— А оставь мешок у возчика. Посмотрим, что будет, когда пекарь выйдет.

— Ты хочешь его подставить?

— Хочу проверить, что он видел.

— Ага.

Егор отнёс мешок через улицу. Они дождались, пока пекарь подойдёт к возчику. Тот как раз развернул тележку; мешок остался у колеса. Двое молча постояли рядом, затем разошлись по своим делам.

— Не хватает разговора, — сказал Максим.

— Только не о муке. Пекарь может спросить, когда тот наконец уберёт телегу от его двери.

Максим уже открыл блокнот.

— А возчик привёз ему заказ и теперь никуда не поедет без оплаты.

— Вот. Тогда можно украсть всё, а эти двое всё равно будут спорить о деньгах.

Они снова запустили сцену. На этот раз Максим не стал подсказывать, куда идти. Когда Егор протянул руку к чашке, кофе давно остыл.

Егор отодвинул клавиатуру.

— За двадцать четыре тысячи сделаю разделение событий и пару проверок, чтобы снова не развалилось. Заодно посмотрю, что ещё у тебя здесь. Не обещаю переписать всё.

— Сколько времени?

— До следующей субботы. Два вечера. Если полезет больше — остановлюсь и скажу.

Максим назвал Денису условия сообщением, дождался короткого ответа и переслал Егору подготовленный шаблон соглашения. Когда тот прочёл и поправил объём работы, Максим перевёл аванс.

Потом они вернулись к экрану. За оставшийся час Егор нарисовал на бумаге три простых кружка и показал, какое событие кто может видеть. Максим начал предлагать передачу слухов. Егор задвинул бумагу под клавиатуру.

— Сначала пусть стражник не знает того, чего не мог узнать. Слухи потом.

— А код, который помогал писать ассистент, тебя не смущает?

— Если я за него отвечаю, я должен понимать, что там. И смотреть до отправки.

— Посмотришь.

— Я серьёзно. Денис не рассказывал, из-за чего у меня был спор?

Максим покачал головой.

— Заказчик отправил сырой вариант как законченный. Я потом две недели доказывал, что такого не сдавал. Не хочу ещё раз.

Он сказал это без нажима, почти устало, и вернулся к своей схеме.

Максим кивнул. В блокноте под разговором пекаря с возчиком дописал: «Кто это видел?»

***

Следующую субботу они провели уже не в квартире.

Максим снял небольшую переговорную в рабочем пространстве на полдня. Егор пришёл с исправленной сборкой и кабелем, который оказался нужнее половины того, что принёс Максим. Сначала двадцать минут заставляли общий экран показывать изображение, а не заставку.

Потом появилась Алина Рощина.

Егор раньше работал с ней над чужой игрой. Максим посмотрел её портфолио ещё в среду, договорился об оплачиваемом пробном дне и попросил прикинуть одну лавку. Она принесла планшет, рулон бумаги и маленький пакет из пекарни.

— Это не реквизит. Это завтрак.

Она поставила пакет в стороне и сразу подошла к экрану.

На её рисунке улица сузилась. Верхние этажи нависали над проходом, у дома пекаря появилась облупленная пристройка, а над дверью — колокольчик на кривом кронштейне.

— Здесь не развернётся тележка, — сказал Егор.

— Здесь и не должны возить большие телеги. Склад с другой стороны.

— В игре сейчас нет другой стороны.

Алина посмотрела на Максима.

— Мы же договаривались про фасад… — Максим приблизил рисунок. — Подожди. А где у тебя проход к складу?

Егор вздохнул и достал чистый лист.

Павел Арсеньев пришёл, когда они передвигали дом. Максим нашёл его по небольшой интерактивной истории, которую кто-то прислал в профессиональный чат. Вышедших игр у Павла не было; он писал тексты для заказчиков и несколько собственных вещей, которые почти никто не видел. На предложенный оплачиваемый день согласился после вопроса, можно ли будет менять уже написанные реплики.

Сейчас он слушал спор о складе, стоя возле двери.

— Заходи, — сказал Максим. — Мы ещё не начали.

— По-моему, начали.

Павел снял пальто и сел возле Алины. Та передвинула пакет, освобождая место. Он хотел взять булочку, потом спросил, можно ли.

— Можно. Только вот эту не бери, она с луком.

Он взял именно её.

Максим запустил исправленную версию. Стражник больше не узнавал о происходящем за закрытым складом. Пекарь принимал часть муки, помнил остаток и при следующей встрече не начинал знакомство заново.

Павел попросил открыть все его реплики. Прочитал первую страницу, вторую.

— Как его зовут?

— Пока пекарь, — сказал Максим.

— Я напишу Савва. Если не подойдёт, поменяем.

Он исправил несколько обращений и запустил сцену снова.

Пекарь позвал игрока иначе. Без длинного вступления о нуждах города. У него кончалась мука, а на вечер было обещано двадцать хлебов. Игрок мог принести хоть сколько-нибудь, если успеет до полудня.

Максим посмотрел на часы. Ровно одиннадцать. Они собирались до этого времени закончить вводную часть.

У двери стояла женщина со стаканом кофе.

— Вера, — представилась она. — Мы договорились на одиннадцать.

— Да. Проходи. Я Максим.

— Я поняла.

Она поставила стакан на край стола. Вера Соколова довела до выпуска несколько небольших игр. В двух Максим видел её имя в титрах. Максим нашёл её через того же заказчика, у которого когда-то работал Егор; дальше контакт пошёл уже без Дениса.

В письме она задала всего два вопроса: что человек делает в игре и сколько времени на это согласен потратить. Максим ответил подробно. Вера попросила запустить, не рассказывая.

Она села за свободный ноутбук. На семь минут в комнате стало тихо.

Потом Вера встала.

— Мне нужно посмотреть, как другие играют. Кто ещё не пробовал?

Алина подняла руку, не отрываясь от рисунка.

— Садись.

— Я сначала дорисую крышу.

— Не надо пока крыши. Поиграй.

Алина повернулась к Максиму, ожидая, кто здесь решает.

Он кивнул на ноутбук.

Рисунок остался незаконченным.

***

К двум часам Максим уже не помнил, какую презентацию хотел провести.

Алина пять минут пыталась попасть в окно над лавкой, потому что нарисовала там жизнь и хотела посмотреть. Павел сказал, что пекарь наверняка не единственный жилец. Егор объяснил, сколько займёт лестница, второй этаж и всё, что они сразу попросят там открыть.

Вера ставила отметки на бумаге. Алина каждый раз спрашивала, что именно она записывает; та отвечала, и от этого Алина начинала играть ещё осторожнее. Наконец Вера убрала блокнот под стол.

— Теперь я вообще ничего не сделаю, — сказала Алина.

— Уже сделала.

Павел засмеялся. Егор придвинул пакет с булочками и спросил, кто ещё не ел. Оказалось, Максим.

Потом они вернулись к одному и тому же месту: человек обещал принести муку, не принёс и больше не получал работу. Егор считал, что надо добавить способ вернуть доверие. Павел отказывался писать третью вежливую просьбу. Алина предложила оставить на двери след от вчерашней записки, чтобы было видно: здесь уже ждали.

Максим слушал их и видел сразу две игры. Та, которую они собирались делать утром, занимала меньше места, стоила меньше денег и вела игрока по понятной дороге. Та, что появлялась сейчас, всё время открывала дверь, за которой ничего ещё не было построено.

На полях у Максима росла сумма. НИКА складывала то, что он успевал оценить; половина предложений пока не имела цены. Павел перечёркивал реплику, Алина тянулась через стол за карандашом. Егор говорил, что второй этаж — это ещё и вопрос, кто видит улицу сверху. Каждый замечал в городе что-то своё, и каждый немедленно делал город дороже.

Максим попробовал вернуть разговор к первоначальному заданию, но сам спросил, можно ли из верхнего окна заметить кражу. Егор взял чистый лист. Алина с торжеством подвинула ему незаконченную крышу.

Время, на которое сняли комнату, заканчивалось. Максим понял это по администратору за стеклом: та смотрела на часы. Ещё минуту назад ему казалось, что они только уселись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.